

Ростислав Пензев

Карповая Диета

Собрание сочинений

16+

Ростислав Константинович Пензев

Карповая Диета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42153516

SelfPub; 2019

Аннотация

Собрание сочинений, написанных мной за несколько лет.

Рассказчик никогда не плачет. Он лишь скромный застенчивый наблюдатель, но никогда не участник в вашем празднике жизни. Порой он грустит, порой мечется из стороны в сторону в порывах страсти, но большую часть времени все же равнодушно слушает, смотрит, конспектирует. Вся его постыдная деятельность бредёт вдоль металлической спирали, с каждым мотком уводящей все глубже и глубже в беспмятное безумство, пока однажды оно не оборвется на половине пути от пули, молотка или какой-нибудь болезни. Так, овивая блестящие круги, и проходит его многодетная творческая жизнь, ведь книги и только книги тоже своего рода дети, которые должны зачатся, увидеть свет, состариться и умереть.

Когда я пишу, я перестаю существовать и это радует меня более, чем всё остальное.

Когда подходит время нового витка, витка падения или кризиса, рождаются несвязные куски текста, полные маниакальных слов и идей, страшные в своем унынии и нищете. Затем, тон повествования меняется, и на пике рождается истинный шедевр; с ликующей детской физиономией. Но, однако, и скорби в нем нет места. Рассказчик равнодушен к каждой смерти, однако тени убитых часто навещают его по ночам.

Ваш рассказчик никогда не плачет, потому что мир не стоит того, чтобы его оплакивать.

Введение в предстоящее

Согретые утром, они вдвоем седили на горе, что больше была похож на мусорный холм или поросший травой, горб древнего гиганта. Гиганта, память о котором давно исчезла за пеленой более значимых событий.

– Секс и деньги нужны нам лишь затем, Френки, чтобы не думать о них какое-то время. Они не имеют настоящей ценности, просто другие решили возвести их в культ и рассказать об этом всем вокруг. В них только наша свобода от физиологии.

– Это и так очевидно. Но освободиться полностью ни вы и ни я были бы не в состоянии, хотя бы потому, что нам нравятся наши оковы.

По дереву рядом пробежала белочка. Она смотрела вниз, тяжело насупив брови и подняв к солнцу рыжие густые усы.

– Да, я вот думаю, – Френки сморщил нос в сомнениях. – Не уверен, что хочу сказать. Помните, когда вы еще преподавали на кафедре, у вас была такая миленькая студентка? Как её звали?

– Кажется, припоминаю. Она ещё всегда ходила в черном и малиновом. Припоминаю, припоминаю. Она всегда садилась за первую парту, внимательно записывала каждое слово. Ну, и к чему ты клонишь?

– А я помню, как она садилась не за первую парту, а на стол в вашей преподавательской. Интересно.

Пожилой мужчина посмотрел на собеседника, вскинув взор над сползшими к носу очками. Его румяное, изнежен-

ное морщинами лицо изменилось, выдав на суд собеседника легкую, почти доброжелательную улыбку.

– Ты решил подшутить, или твои манеры сами вдруг решили дать сбой? Я не считаю, что ты хотел бы говорить об этом со мной. Хотя лекция получилась бы весьма занимательная.

Они оба звонко рассмеялись. Погода на улице стояла замечательная. Уже несколько дней на небе не виднелось ни облачка. Голубое небо принимало самые поразительные оттенки, успокаивало, разрешало сидеть под ним часами без остановки, вести глупые, а порой не очень, разговоры. Город стоял неподалеку. С горы, на которой сидели друзья, можно было легко разглядеть несколько кварталов, которые толстопузой змеёй растянулись с востока на запад.

– Бабочки, мистер Милль. Они же красивые, как я полагаю?

– Несомненно. Ты решил поспорить?

– Достаточное ли оно основание, для того чтобы я чувствовал эстетическое удовольствие? Они ведь всего лишь такой же кусочек действительности, как и всё остальное вокруг, – он взял небольшой камешек в руку, – вот, например, камень. Он такая же часть странной и непонятной природы, как и бабочка. Почему мы считаем, что красива именно она, а не, например, этот камень?

– Ты хочешь сказать, что мы в нашем непонятном сравнении не замечаем красоты обычных вещей, окружающих нас,

наполняющих все вокруг той действительностью, до которой просто невозможно дотянуться, хотя бы приблизиться?

– Вы не поняли. Я не об этом. Как мы вообще решили, что красива именно разноцветная бабочка, а не серый камень? Причем, как я понимаю, все вокруг склонный к этому мнению. Почему для нас какое-то нелепое насекомое лучше, нежели твердый камень, из которого мы строим дом, собираем костер. Разве его свойства для нас не величественнее и краше глупой бабочки?

Камень из руки отправился в полет. Вниз, к подножию соседнего холма, к ногам угрюмого и бездыханного титана.

– Не всё всегда можно определить полезностью, мой друг.

Человек постарше вынул из кармана желтоватую блеклую пачку с сигаретами. Не было никакой уверенности в завтрашнем дне. Снова и снова помирающее на западе солнце медленно заходило за горизонт, растворяясь в объятиях зеленеющих сопок, не оставляя никаких гарантий на новое возвращение. Двое старых знакомых сидели на вершине горы, смотрели вперед на бушующую бездну из летних красок в ожидании чуда. Никто в ответ на них не смотрел.

– Бабочка красива, пока жива. Пока в этом крошечном создании еще не угасла жизнь, она способна приносить нам радость и покой. И очень скоро она сгинет. Мимолетность её жизни ценнее и ярче видится нам, чем все возможные цвета. А что же камень? Он лежал здесь очень давно, пролежит ещё столько же. Разве в своем постоянстве он не нагоняет скуку?

– Скорее нет, чем да. Жизнь бабочки ценна своей скорой кончиной, иначе бы и вовсе не было никакой жизни, никакого в нем значения. Никакой красоты. Но незыблемое все же прекрасней, как и любое произведение искусства.

– И ведь красота тоже создается. У неё должно быть начало, должен быть конец. Она не априорна, в ней многое спорно, многое не ясно и может интерпретироваться по-разному. В этом и смысл искусства как такового: оно не обязано что-либо нам нести, мы лишь обязаны пытаться что-либо из него черпать.

– А вы не думали, что мы судим об искусстве во многом от того, кто готов его поглощать? Почему бабочка так красива? Потому что многие, считают ее таковой, а многие, к сожалению или к счастью, вовсе не способны о чем-то верно судить.

– И потому, мы необычайно предвзяты ко всякому искусству. Ведь судим ли мы лишь само произведение без отрыва от автора и аудитории? Возможно, некоторые фильмы Стенли Кубрика слишком плохи, однако мы не способны это увидеть, ведь их создал Стенли Кубрик, а аудитория превознесла его до небес.

– Я понимаю, о чем вы. Однако я не уверен, что мы вообще способны дотянуться до чего-то, хотя бы на цент дороже нашей глупой жизни.

Пламенеющий солнечный диск застыл, так и не погаснув за горизонтом. Старцы сидели на горе, пили остывший чай из блестящего термоса, курили, вспоминали то, что было и

давно прошло. Не было никакой необходимости обращаться к старшему во множественном числе, однако что когда-то не было искоренено уже стало привычкой.

– Искусство. Творчество. Созидание. Они дороже. Они ценны сами по себе, поскольку являются закономерным продолжением нашей мимолетной жизни. Однажды мы умрем. Умрет наш мозг, наше тело, но наши мысли, идеи останутся жить в веках, находя новое воплощение снова и снова.

– Есть более простые способы избежать смерти. Вы могли бы оставить потомство, упиваться своими короткими часами в героиновых колодцах. Почему нет?

Мистер Милль наконец поджег свою сигарету, что слишком долго вертелась вокруг его пальцев.

– Не получится. Появление одного такого нового человека, неважно невинного ребенка или гедониста наркомана, приведут неизбежно к гибели другого.

– Кого же? Я вижу только вас сейчас.

– Я умираю, когда сажусь за письменный стол. По понедельникам я музыкант, во вторник – пьяница, к середине недели схожу с ума. В четверг я врач собственных недугов, в пятницу – уличный повеса. В субботу окружающий мир перестает казаться слишком реальным, а в воскресенье рождается новый рассказ. Рождение одного ведет неизменно к гибели другого.

Наступило несколько мгновений молчания.

– Бабочка прекрасна, мистер Милль, потому что от самого

начала и до самого конца она и есть бабочка.

– Да, дорогой друг. Я думаю, вы совершенно правы.

Дорогой друг развел руки, замер на пару секунд. Затем последовал хлопок. Поверженное насекомое упало ниц, свернув свои крылышки в маленький цветной клубок.

Может и вовсе никогда не думать? Отчего в нас такая странная, порой невыносимая тяга к иллюзиям? Ведь и кино, и книги, и живопись, в конечном счете, даны неразумным нам, чтобы спрятаться. Не глядеть на себя в одиночестве, не видеть того слабого, некрасивого, что в полной мере представляем только мы о себе. Гнать все мысли прочь, может тогда однажды они и вовсе не осмелятся к нам подойти.

Города из свечек

– Всегда хотел оказаться поближе к звездам. Может, это и не было никогда моей мечтой, но всякий раз, когда я поднимаю голову к небу, мне кажется, что оно меня скоро раздавит...

– Трудно с таким не согласиться. Кажется, мой сын когда-то записал об этом аудиокнигу. Ее так и не издали. Скажите, а зачем вы оказались тут на самом деле?

– Ах, ну да... Вот, поглядите на скамью слева от вас. На ней моя будущая жена.

Мужчина в шляпе бросил взгляд в сторону. Затем мило улыбнулся и одобрительно кивнул. Здание космодрома молча дремало.

– Теперь понимаю. Вы, наверное, собираетесь на луну?

– Исключительно верно, мой друг. Она хочет ребенка, ну или может собаку... Сама не решила, наверное, – он протер рукавом мокрый от пота лоб, – Впрочем, не важно, не важно. Я тут немного переволновался. Вы когда-нибудь бывали в космосе?

– Так же часто, как вы признаетесь вашей женщине в любви.

– И откуда вам знать... Возможно вы не были там ни разу и сейчас лишь тратите мое время, которое мне, впрочем, и так некуда девать.

– Откуда, откуда, – недовольно пробурчал мужчина в шляпе, – Это же не я собираюсь сваливать с планеты, чтобы жениться на обычной женщине. Поэтому утверждаю, что бывал в космосе безмерное число раз.

– Ну не совсем же она обычная. Долгое время я думал и не мог определиться, что же завораживает меня сильнее: она или огромное ничто над моим домом. Стало интересно, как выглядит космическое ничто...

– Прекрасно. Оно выглядит прекрасно, хотя является на самом деле для нас всем, а не ничем. Даже мы в какой-то мере часть безликого космоса, – мужчина ненадолго замолчал.

– Что-то не так?

– Знаете, первые пять раз огромное звездное полотно действительно утягивает тебя с головой. Потом привыкаешь. Однако забыть, как выглядела Земля тогда, в самый первый мой раз...

– Вы поделитесь?

– Да, почему нет. Знаете, оттуда все выглядит совершенно ничтожным, маленьким. Все темные ночные уголки планеты загораются у вас на глазах. Затем тухнут, как старые восковые свечи, чтобы потом новые могли загореться на их месте.

Солнце томительно долго опускалось за горизонт. Через пару минут должен был начаться первый запуск. Люди сидели на стеклянных скамейках под покровом не менее стеклянного купола и ждали, когда на огромной электронной панели высветится крошечными цифрами номер их билета или женский металлический голос произнесет их фамилию.

Когда-то в ночных, бурлящих жизнью аэропортах, на пахнущих дымом и скользким железом вокзалах и станциях люди знакомились. Они пили чай, прощались, плакали, влюблялись и теряли любимых навсегда. Люди же на космодроме сидели тихо, на всех головах кроме трёх блестели очки и шлемы виртуальной реальности, так что формально многие из них сейчас были на врачебном консилиуме, совещании или на тропических островах.

– Я слышал, что рассматривали какой-то закон о свадьбах. Не думал, что все получится так серьезно... Зачем же запрещать, это только создаст лишний спрос.

– Ничего страшного, мой друг. Думаю, луна всем нам станет домом.

Мужчина прокрутил сияющий шлем в руках. Уставшее, небритое лицо улыбнулось оттуда ему в ответ.

– Если получится долететь. Я слышал, «Endal`S» не то чтобы сильно заботит посадка пассажиров. Только отправка...

– Вы о чем? Мне сказали, что безопаснее способа и придумать нельзя.

– Ни о чем не беспокойтесь... Это не более чем слухи, думайте позитивно и тогда всё будет хорошо. Я часто летаю и, как видите, со мной все очень даже в порядке.

Металлический голос пробурчал очередную порцию цифр с фамилиями.

– Вероятно, мне пора. Прощайте, друг мой, увидимся в космосе.

Мужчина встал, положил черный шлем на прозрачную скамью.

– Вы расслышали вашу станцию?

– Станция «Р». Удачи вам, ну и нам тоже.

За стеклянным куполом вовсю кипела подготовка. Люди в черной форме суматошно бегали из стороны в сторону, расправляли объятия несоизмеримо огромных экзоскелетов, забирались в них и, словно тараканы, разбегались вдоль бурлящего космодрома, вновь растворяясь в толпе. Их гнали вперед тысячи мерцающих неоновых фонарей.

К мужчинам робкой походкой подобралась женщина, обняла стоявшего из них под руку. Они отправились на пропускной контроль.

– Куда летите? Цель полета?

– На луну. Хочу пожениться.

– А почему не здесь? – Контроллер выглянула из окошка и посмотрела на спутницу. – Понятно. Можете проходить.

Они прошли через светящиеся металлические арки. Затем через ещё одни. Затем ещё. На КПП подошел офицер в черной парке с блестящей ракетой на груди. Он уставился им в спины.

– А это кто был? Еще одна парочка что ли?

– Ну да. Дураки, не могут, как все, себе супруга заказать. Сейчас любой магазин по любым параметрам соберет.

Их развели по белоснежным блокам, посадили в миниатюрные капсулы, формой скорее напоминавшие таблетки от мигрени, нежели космические аппараты, надели костюмы для того, чтобы давление не превратило их тела в лепешку, и отправили в полет.

Станция «P.Endal`S» работала по принципу огромной металлической катапульты. Щелчок и ты уже в открытом космосе.

– Дорогой, ты меня слышишь?

– Да, конечно. Ты что-то хотела? Тебе неудобно? Я бы сказал, если тебе что-то...

– Всё хорошо. Просто хотела спросить...

Буквально за долю секунды звук оборвался. Хлопок. Мужчина в костюме лежал в потухшей таблетке, прижавшись головой к блестящему борту. Капсула стремительно падала вниз. Тысячи других улетали к звездам.

В комнате управления полетом воцарилась тишина.

– Так. Кто забыл откорректировать курс на «Р» станции? Тут опять труп.

– Сер, кажется, Маузер, сер, – говорящий неуверенно зашепелявил, – Вы видели его сегодня утром, сер.

– Третий труп за неделю... Повезло этому дармоеду что вчера весь криптовалютный рынок обвалился. Может никто и не вспомнит... Капрал, Маузера мне в кабинет, живо.

Женщина же долетела благополучно. По прибытии на станцию, ей рассказали, что произошло на запуске. Какое-то время она была совершенно безутешна. Вскоре в рюкзаке мужа, что отправился с остальными вещами отдельно, обнаружили на бритве каплю крови мужчины. Брюнета. На основе его клеток создали клона.

Не торопясь прошел месяц. Незаметно пролетел второй. Женщина лежала на лунном песке в обнимку с мужем, пускала тонкие пальчики в его вьющуюся шевелюру и долго, нежно дышала в такое родное ухо.

– Дорогой, ты меня слышишь?

– Да, конечно. Что-то не так?

– Я всегда хотела спросить тебя, ты не против, если мы заведем немецкую овчарку? Настоящую, злющую, чтобы по венам текла кровь, и она лаяла, и надо было с ней гулять, и...

– Конечно не против.

Влюбленные, они лежали вдвоем, беседовали о новой неизвестной им доселе жизни и смотрели на Землю. На тающие, расплывающиеся по глазам теплом неоновые свечи

таких далеких земных городов. Когда и эти свечки будут готовы потухнуть, чтобы на их месте загорелись новые?

Кислородное голодание

Солнце масляной краской застыло в зените. Подняв густое облако пыли, к книжному магазинчику подъехал небольшой блестящий электромобиль с приподнятым задом, издав очень напоминавший жука или маленькую, спрятавшую под панцирь лапки, черепаху. Из открывшихся створок электромобиля вылез мужчина, лет двадцати на вид в темно-сером матовом пальто и твердых массивных башмаках. Аккуратным движением руки он открыл почти беспросветно обклеенную брошюрами дверь и прошел внутрь, оставляя за собой мокрые следы весеннего чернозема. От легкого касания с дверью под потолком зазвенел алюминиевый колокольчик, и из каморки, недовольно ворча, выбежал юный краснолицый кассир.

Внутри вкусно пахло старостью, сыростью, тем маленьким патриархальным миром, что давно изжил себя, но никак не соглашался отправиться на заветный покой. Словно перевернутая страница истории, магазинчик опустел, потерял смысл и покрылся паутиной прошлого, из которой порой бывает так сложно выбраться.

– Чем я могу помочь вам, сэр? – мальчишка спрятал руки за спину и встал по стойке смирно, твердо упершись ногами в пол.

– Не думаю, что ты в состоянии помочь кому-то, – мужчина посмотрел на старую продранную рубаху на мальчонке, – Где старший? Ты можешь его позвать?

– Он сейчас занят и не может отвлекаться на посетителей. Извините, – юноша опустил глаза в пол.

– Ну что ж... Тогда сделай так, чтобы он смог отвлечься. Зачем ты тогда ещё нужен?

Уязвленный кассир что-то хрипло буркнул в ответ и убежал обратно в непроницаемый мрак каморки. Через несколько секунд оттуда послышались шаги. Быстрые и уверенные, они приближались, становясь всё более и более гулкими. Мужчина ждал, поглядывая через помутневшее окно на сверкающий асфальт. Морщины затянули его влажный от пота лоб. Всё это занятие ему явно было не по душе.

– Здравствуй. Снова к нам? Иногда мне кажется, что кроме тебя сюда вообще никто не ходит.

– Потому что так оно и есть, – немного грубо отозвался мужчина в пальто, – и мне нужен Шопенгауэр, Чоран и Кьеркегор. побыстрее, если, конечно, можно.

Секунду поразмыслив, хозяин магазина бросил быстрый взгляд на стоявший за окном электромобиль, взял пластиковый стул и подошел к самой дальней полке от входа. Он поставил стул, со стоном взгромоздился на него и достал ту самую книгу, которую у него так невежливо попросили. Спускаясь вниз со злополучного стула, мужчина неудачно повернул ногу и, обхватив драгоценные книги обеими ру-

ками, упал на спину, прямо на то место, по которому еще недавно колотила его жена. Говорила же она, что нужно продавать эту лавку к чертям и ехать в центр, как все. Жаль, что он не послушался. А теперь-то и слушаться было некого.

Кто вообще придумал делать стулья из пластмассы? Они такие неудобные, скользкие и непрочные, что иногда кажется, словно производители специально хотят сократить число покупателей и при этом значительно потерять в социальном рейтинге.

– Простите за задержку... Вот ваши книги, – он протянул книгу дрожащей рукой, – с вас 0,1489 unicorn пожалуйста.

Мужчина повел рукой вперед, переводя простым щелчком пальцев деньги на счет магазина.

– Скажите, почему до сих пор бумажные? Разве все вокруг еще не пересели на цифровые издания?

Мужчина неуверенно пожал плечами. На самом деле он и не представлял, что должен ответить на такой вопрос. В конце концов, разве это действительно важно? За его спиной стоял большой, покрытый пылью плакат. Мужчина обернулся, провел пальцем блестящую тропинку посреди серого лоснящегося покрова и поднес запачканный кончик пальца к носу. Да, некоторые вещи действительно вне всякого времени. После этого многозначительно сказал.

– Просто мне так нравится. Привык ощущать страницы пальцами. Можно даже сказать, что это своего рода фетиш.

– Забавно, я думаю, что мы последний «физический»

книжный магазин в стране. Вот закроемся, и больше никому будет удовлетворять ваши "извращенные наклонности", – хозяин лавки тяжело вздохнул и медленно уселся на стул, дав понять собеседнику, что больше не намерен с ним болтать.

Дверь со скрипом отворилась, оставив колокольчик звенеть в никуда. Мужчина вышел наружу с книгой в руках. Осмотрелся, аккуратно перешагнул через распластавшуюся под ногами лужу и продолжил движение в сторону дороги. То, что было отдано минуту назад за книжку, он с легкостью добудет за час, хотя ему всё же придется некоторое время поднапрячь извилины и «поработать». Очередной рабочий день был в самом разгаре, что можно было сказать и об утрамбованном уличном воздухе, раскаленном до девичьего смущения прямыми солнечными лучами. Глаза не выдерживали окружающего блеска, так как все дома в городе были отделаны специальным стеклом, отражающим каждый блик. Приходилось постоянно моргать и отводить глаза. Всё это дико раздражало.

Мужчина прищурился и заслонил лицо рукой, чтобы увидеть хоть что-то, кроме бесконечного потока фотонов и, наконец, найти свою машину, спрятавшуюся жуком в стеклянных джунглях. Он провел пальцами по плоской ручке и дверь открылась. Электромобиль завелся. Теперь предстояло проехать несколько километров, прежде чем появится возможность выбраться на автотрассу и только через пару часов доехать до того загородного домика, в котором и жил

загадочный книжный покупатель.

Ошалевшие от бесконечных криков люди суматошно разбегаются по улицам, поглядывая по привычке на невидимые наручные часы и размышляя, в каком месте им будет лучше поужинать этим вечером. Жизнь в городе скорее напоминала безумный цирк, надежно сокрытый под куполом неба, в котором даже зритель должен бежать, прыгать и исполнять сумасшедшие кульбиты. Все в нем безостановочно спешат, боятся опоздать жить, то и дело, поглядывая на оголенные предплечья.

Технология по вживлению биологических часов в младенцев была придумана всего несколько лет назад одним австралийским ученым, чью фамилию уже никто не помнил. Во время первых месяцев беременности, каждому эмбриону вживляют особый ген, который проявляется годам эдак к пяти, когда у ребенка возникают первые признаки осознанного мышления. Смысл такого усовершенствования заключается в том, что любой человек всегда может узнать, сколько сейчас времени, лишь на мгновение подумав об этом. Однако у такого весьма полезного в безумном городе свойства есть и свои недостатки, а если выразаться точнее, то есть побочный эффект: постоянно, словно по привычке, вы будите смотреть на правую руку, как бы сверяясь со временем, которое вы и так никогда не забудете.

Думаю, не стоит говорить об индустрии изготовления часов, которая лишилась всего прежнего величия так же про-

сто, как и современный перевод денег. Щелчком пальцев.

Деньги. Не слукавлю, если скажу, что такое слово в принципе исчезло из обихода уже давно, ещё до последней миротворческой войны. Теперь все говорят «уни», ну или на крайний случай просто «токен». Людям так проще. Они больше не чувствуют связи с прошлым, им не обязательно говорить «деньги», они просто двигаются вперед семимильными шагами и стараются как можно чаще не оглядываться назад. Люди. Деньги. Колесо. Всё смешалось в один неудержимый огненный ком, Солженицина.

Стеклянные здания хаотично сменяли друг друга, сливаясь в одну бесконечную зеркальную стену. В электромобилях класса "С" уже много лет не устанавливали радио. Это совсем не удивительно, так как число рабочих радиостанций было незначительным, и слушали их в основном старики, не способные адаптироваться к новым технологиям или ездить на современных автомобилях. В кабине на переднем пассажирском сиденье было одно такое черное устаревшее устройство, настроенное на волну, по которой пускали в основном записи интернет эфиров. Из тихих динамиков вещал диктор.

– Доброго всем времени суток, дамы и господа. Сегодня у нас в гостях герой Войны, кавалер ордена "Фронт" и просто хороший парень Гарри Брайт.

– Этот человек двадцать лет назад спас от, фактически, погребения под огненным грибом целый город, договорив-

шись с командованием об отмене баллистического удара по Сан-Фатто.

– Сейчас Гарри занимается благотворительностью и помогает людям в сложных жизненных ситуациях, создает объединения позволяющие добывать unісоіп людям... простите, детям из неблагополучных семей. Создавая для них крипто-заводы и фабрики по образованию.

– Привет Гарри, расскажи нам, пожалуйста, про те события, которые запомнились тебе на войне. Расскажи не о тех ужасах, что пережил ты и многие твои друзья, а о чем-нибудь хорошем, товарищеском, что будет интересно нашим слушателям.

– Уаэаа... Оина е еиыт о ооиие ееты...

– Забыл предупредить вас, дамы и господа: у нашего сегодняшнего гостя нет нижней челюсти. Не вдаваясь в ужасающие подробности, можно сказать что потерял он ее во время войны. Тогдашняя медицина, к сожалению, ни чем не смогла помочь...

– Скажите, это правда, что часть тех токенов, которые вырабатывают дети на ваших предприятиях, вы оставляете себе?

– Уа уаааую. Я оээу а ооосы...

– Да, да Гари, конечно. Мы с моим соведущим понимаем ваше состояние, но вынуждены прервать эфир, поскольку...

– Поскольку сегодня в 13:00, как и всегда в нашем специальном репортаже вы можете ознакомиться с самыми свежи-

ми новостями.

– Ооуцыыкаа. Уа уууау аоласа!

Мужчина выключил радио. Электромобиль послушно двигался через город вдоль стеклянных домов и неоновых вывесок, занимавших большую часть видимого пространства. Позади водителя смиренно сидел молодой зеленый кактус, бережно прикрепленный ремнями безопасности к сидушкам. На нем был бежевый рельефный горшок, полный свежей блестящей от влаги земли и крошечные, размером с половину зубочистки, иголки. Растение свыклось с цивилизацией и уже около месяца, как являлось главным и, по правде говоря, единственным живым спутником водителя.

Мужчина нежно начал проворачивать штурвал для обгона огромной фуры, что ехала перед ним и заметно замедляла его продвижение к цели. Колеса свернули в бок и стали вращаться гораздо быстрее. Всё шло гладко, без помощи водительского ИИ. После очередного поворота, установленные сзади фуры солнечные батареи решили сменить угол к солнцу на максимально прямой и по чешуйке стали оборачиваться навстречу лучам. Вдруг, один пучок света отскочил в сторону, прямо в лицо водителя.

Штурвал беспорядочно мотался то по часовой, то против, не давая мужчине возможности хоть как-то исправить ситуацию и уйти от столкновения. На панели замигала красная лампочка, предупреждающая, что весьма неудивительно, об опасности столкновения. Прошла секунда, лампочка погас-

ла, и, успокоившись, электромобиль снова взял себя в руки. Он спокойно и уверенно обогнал фуру, встроился перед ней и, как ни в чем не бывало, продолжил движение по гладкой переливающейся дороге.

На дороге произошла авария. Люди металась туда-сюда. Какой-то мужчина кинулся на другого, что бывает достаточно часто. Однако в этот раз в драке сошлись не просто две кожаные боксерские груши, а целые слои населения. Бедняк дрался с богачом, богач дрался с бедняком. Ничего больше Аллен углядеть не успел.

– *В следующий раз будьте осторожнее,* – холодно прозвучал металлический голос из руля. – *До пункта назначения 1 час 49 минут.*

– Черт... Я так устал. Проложи курс до бара Мэг. Надо промочить глотку, прежде чем садиться за книги.

– *Курс проложен. Удачного пути, Аллен.*

И когда этот мир успел сойти с ума? Гости интервью, которые не могут говорить, блестящие машины, дома, дороги, блестящее всё. Единственное средство, которое поможет справиться с этим солнечным жарким днем – алкоголь. Ну, еще возможно сигары. Ну и хорошая компания, отличная от колючего растения. Мужчина развернулся назад, бросил быстрый взгляд на кактус и, успокоив свое нутро, повернулся лицом к дороге. Растение было по-прежнему невредимо и все так же неразговорчиво.

Через двадцать с лишним минут Аллен без происшествий

добрался до бара его старой знакомой, в котором он бывал, как говорится, редко, но метко. В последний раз его вытащили оттуда силой, потому что он предложил зажарить котлетку хозяйки и попробовать уже, наконец, тот деликатес, который всем пришелся по душе на востоке. Говоря откровенно, это было абсолютно дурацкой идеей сразу по нескольким причинам. Во-первых, это был самый любимый питомец мужа Мэг. Муж не отличался разговорчивостью или сообразительностью, но был добр к окружающим и очень любил всяческих животных. Ну и во-вторых, эта животиная на 10% состояла из шерсти, на 85% из кремниевых имплантатов и на 5% из чистой ненависти ко всему человеческому роду и их изобретениям, а потому была банально непригодна к употреблению.

Створки электромобиля разошлись с характерным свистящим металлическим звуком, и на свет божий вылез всё еще запачканный в черноземе башмак водителя. Бар располагался на двадцатом этаже. Изнутри здание состояло преимущественно из стекла и железа, а по своей структуре больше напоминало многоуровневый пчелиный улей из множества и множества ячеек.

Звонок. Щелчок.

Лифт раскрыл свои стальные объятия, и чумазные башмаки выбрались наружу. В баре было полно народу: парни с философского, те новенькие с филфака, какие-то незнакомые танцовщицы, нанятые для развлечения толпы, и собственно

толпа. Хаотичная. Кричащая. Жаждающая алкоголя и электронной музыки. Все были заняты каким-то делом.

За стойкой стояла Мэг. Она методично потирала стаканы, проводя тряпочкой по всему их объёму изнутри и снаружи. За ней метрах в двух, словно окаменевший, стоял ее муж, превосходивший её в длину и ширину в два или три раза. Мэг было 16. Никто понятия и не имел, как у неё в столь юном возрасте появился супруг и своё питейное заведение, но у глупых людей редко такое получается. Аллен подошел к стойке, в три ряда уставленной бокалами и разноцветными бутылками.

– О, сколько долгих дней я не видел эти розовые нежные щечки. Ты сегодня так прелестно выглядишь.

Он наклонился вперед и изобразил что-то на подобии улыбки.

– Чего ты сюда приперся? Забыл, что было в прошлый раз?

– И тебе добрый день, Мэган, – он положил руки на стойку. – Плесни мне чего-нибудь выпить.

– Ты издеваешься? После твоей прошлой выходки я все выходные потратила в никуда, убирая отовсюду стеклянные осколки.

– Да ладно тебе. У меня завтра очень ответственный день и моя голова взорвется, если ты не опустошишь её содержимое алкоголем и... своей красотой, разумеется.

– Какой же ты все-таки мерзкий, – она тяжело вздохнула

и отвела взгляд. – Черт с тобой. Держи...

Она достала из-под стойки бутылку и поставила перед собой.

К бару плывущей походкой подобрался человек. Хотя, откровенно говоря, человеком его тоже можно было назвать лишь с натяжкой, а напоминал он скорее рыбу, безрезультатно пытающуюся плавать в масле. Мэг обратила свое внимание на него.

– Вам чем-то помочь, сэр? Поднесите руку к монитору, и я вас посчитаю.

– Просто дай бутылку самого дорогого пойла, что ты найдешь в своем загашнике.

– Сэр, мы не можем продавать вам крепкий алкоголь. Вы ведь и сами это знаете. У вас низкий социальный рейтинг.

– Дай мне эту проклятую бутылку, дрянь. Ты... ты и твой хахаль-бугай нарветесь на проблемы.

– Давайте, обойдемся без угроз. Вы можете купить что-то не такое крепкое, или, например, попросить молодого человека совершить покупку за вас.

Она кивнула в сторону мужчины в больших грязных башмаках. Она постепенно теряла терпение.

– Я не собираюсь ни у кого ничего просить! Живо дай мне бутылку!

– Сэр, я вынуждена попросить вас покинуть помещение.

Пьяный сэр сунул руку в карман и достал оттуда что-то среднее между звуковой колонкой и фаллоимитатором. Он

нажал на кнопку, и устройство издало сильный, абсолютно не переносимый импульс, по действию, очень напоминавший глушилку для старых телефонов. Все в баре схватились за головы. Ну, вернее, почти все.

Миниатюрные материнские платы, вшитые в голову и позволявшие, собственно, «майнить» через нервную систему были самым распространенным источником дохода среди населения всего мира. Грубо говоря, на их вычислительной мощности и строился весь тот сложный механизм общественно-экономического взаимодействия. Каждый человек – микроскопическая опора хаотичной системы, не позволяющая всему разрушиться в определенный момент. Разве это не прекрасно?

Люди кричали и падали на пол. Они роняли стеклянные столы вместе со стеклянными бутылками, разбивали их об пол и разбивались сами. Кто-то катался взад-вперед колбаской, сдавливая голову, как грецкий орех. Кто-то суматошно бегал из угла в угол, пытаясь спрятаться, слинять от этого невыносимого звука куда угодно. Однако панике поддались не все. Из-за стойки спокойно и невозмутимо вышел муж Мэган, схватил незадачливого Сэра за руку и со всей силы стукнул об его голову его же рукой. Хладнокровно расправившись со злодеем, он вытащил из его дрожащей руки устройство и буквально зубами привел его в негодность.

Как же иногда приятно и полезно иметь под рукой человека, необремененного интеллектом. Мужа Мэг звала героиче-

ски смешно – Dmitry. Достаточно редкое и интересное имя, действительно внушающее доверие. Вы слышите такое имя и почему-то сразу думаете: «Хм, этому человеку наверняка можно доверять» или «Хм, наверняка он верный и надежный муж». Не стоит, конечно, углубляться, но полезно знать, что этому человеку не вживили материнскую плату для обработки блоков, так как он в свое время слишком сильно увлекался футболом, и стал, как говорится, «особенным». Ну а что, футбол – контактная игра. Особенно если толпа каждый раз жаждет всё большего контакта между игроками. Так было всегда, еще даже до той забавной реформы, когда вратарей, поймавших мяч, разрешили запинывать до смерти.

– С ума сойти, – Мэган обернулась к разбитому окну. – Ну и кто нам возместит убытки? Этот овощ?

Она пнула ногой замершее в ужасной гримасе тело.

– Ну, а теперь ты нальешь мне выпить?

Мэган тяжело вздохнула. Хаос, растворенный в воздухе, словно естественный наркотик, проникал в голову вместе с кислородом.

– Разве тебе завтра не на экзамен? Может не стоит пить сегодня, в конце концов?

– Может, я сам с этим разберусь? У тебя и так проблем хватает. Вот, например, – мужчина ткнул пальцем в лежавшего мужчину, – И вот.

Он указал рукой за спину Мэг, чтобы та развернулась и смогла определить сама весь масштаб трагедии.

Стеклянная стена, выведившая на городскую улицу, была разбита вдребезги. Они молча, аккуратно подошли к разверзшейся бездне. Шум кипящего котлована города захлестнул их брызгами и воплями. Внизу суетились и бегали люди, звучали сирены, толпа была возбуждена гораздо сильнее обычного.

Две женщины во время суеты пробили собой стекло и выпали наружу.

– Наверное, это и был один из той группировки самоубийц, о которых все говорят?

– А может, просто надо было налить ему выпить?

– Да. Думаю, выпить бы не помешало. И нам тоже...

Она обратила свой гневный взор на мужа, ткнула ему пальцем, приказывая отойти в сторонку.

– Знаешь, сколько я выбивала для нас лицензию на продажу алкоголя? Ты его просто убил! Почему ты такой идиот? Скажи мне...

Кажется, они ругались ещё долго и так ни к чему не пришли. Она кричала, плакала, а он стоял, не способный выдать и слово. Посетители быстро начали расходиться и немногословный муж ушел за ними.

Прошло несколько часов.

Электромобиль медленно скользил по дороге, постепенно поглощая под себя бегущий асфальт. Приехали. Мужчина выбрался из машины, крепко сжал драгоценную книгу и направился к себе домой. Уже темнело. Он достал карточку

из брюк, провел ей по магнитному замку. Внутри никого не было. Мужчина снял пальто, небрежно кинул книгу на кровать и с выражением глубокой задумчивости на лице молча уставился в стену. Старую, ободранную и обветшалую стену. Через минуту он лег на кровать и лишь на мгновение закрыл глаза. Всё в комнате было усеяно заметками, выдержками из книг, газет и журналов; стены в том числе. На кухонной плите лежала, вероятно, самое важное скопище вырванных страниц. Дневник.

Ветер стучался в окно. С собой он нес пронзительную прохладу, темные клочковатые тучи и маленькие капли вечерней росы, лишь напоминавшие о солнечном дне. Хотелось открыть окно, протянуть руку и оторвать немного почерневшей ваты от вздувшихся туч. Электромобили летели по дороге. Издалека доносился шум обезумевшего города: бесконечная кричащая реклама, жужжание неоновых вывесок и успокаивающий голос диктора, ставший родным после стольких лет пребывания в эфире.

– Из последних новостей: участились случаи самоубийства из-за "слишком комфортных условий жизни и материального достатка". Специалисты считают, что это происходит в первую очередь из-за отсутствия необходимости в физическом труде.

– А разве может хорошая жизнь быть причиной самоубийства? Мы живем в такое время, когда каждый человек что-то значит, каждый может быть кем-то: критиковать, покупать,

думать, обсуждать. Раньше такого не было. А что думаешь ты, Кэрелл?

– В чем-то ты прав, но я думаю, что некоторые проблемы возникают из-за новой системы образования...

– Что ты имеешь в виду? Говори что думаешь, не бойся, тебя ограничивают лишь только нормы приличия.

– Я имею в виду то, что людей подготавливают к поиску эфемерных ответов на абсолютно абстрактные вопросы. Никто не готовит их трудиться, не учит жить и собственно хоть что-то создавать. Они, как завод, выпускают в мир консервные банки с камнями, а банки с камнями, очевидно, никому не нужны.

– Люди, способные к труду и творчеству не востребованы. И зря ты так говоришь про "консервные банки". Мы живем в умнейшем обществе из всех когда-либо существовавших. Но давай, все же оставим эту тему нашим философам.

– Но я просто хотела сказать...

Эфир неожиданно прервался на очередной выпуск новостей. Наверное, какие-то перебои из-за погоды. В последнее время такое стало часто происходить.

Ночь была на удивление красивой и светлой, несмотря на гнетущие темные скопления облаков над городом, которые, гонимые ветром, были еще так непреодолимо далеко. Затухающее небо чистым, как перед ливнем, куполом было наряжено многочисленными звездами и одинокой, ярко белой красавицей-луной, что сияла вместо незатухающей люстры

на этом всемирном цирковом шатре из красочных танцев и манящих иллюзий. Город кипел, не переставая, вне зависимости от времени суток.

Утром пошел дождь. Пошел прямо-таки по настоящему, собрав себе в дорогу здоровый кожаный чемодан и много, много питьевой воды. Мужчина открыл глаза, неосознанно сморщив лоб в кожаную гармошку. Капли глухо стучали по крыше, по блестящим окнам и деревянной веранде, наверное, последней на целом свете. Мужчина лениво открыл глаза, протянул руку в сторону обратно в свой сон, но, уже проснувшийся и разочарованный, был вынужден признать, что сон пропал, и пора подыматься с кровати.

Он скинул сначала одну ногу на пол, затем вторую. Вот он уже уверенно сидел, опершись спиной о край кровати, и неотрывно пялился на стену. Он по привычке поднес руку к глазам, чтобы узнать, сколько сейчас времени.

– Вот черт! – он выругался и суматошно стал искать вчерашнюю куртку.

Через час должен был начаться экзамен. Дорога до места проведения занимала ровно час. Что-то в этой формуле явно было не так, настораживало и заставляло тело двигаться с необычайной, скорее даже не свойственной ему скоростью. Он одним прыжком заскочил в электромобиль и помчался вперед, навстречу своей судьбе.

На заднем сиденье сидел кактус.

– Ну, и как прошел вчерашний вечер? Я, как знал, что не

стоит тебя туда пускать.

– Ужасно на самом деле. Я до сих пор не могу собрать мысли в кучу, после того в баре. Те женщины...

– Ой, да не убивайся ты так. Ты их даже не знал.

Мужчина, успокоившись, опустил голову к плечу, однако через секунду понял, что сзади никого не было. Кроме как-туса, разумеется. Аллен знал, что когда-нибудь этот день настанет, что бесконечное перечитывание Канта в определенный момент окажет на него пагубное воздействие. Однако он никак не мог догадаться, что этот день настанет именно сегодня. Почему именно сейчас?

– Ладно, ладно... просто тяжёлая ночь... просто тяжелая ночь.

Он мчался мимо сотен и сотен неоновых вывесок. Сейчас самое главное было не думать об ответственности, возложенной на себя.

Ливень усиливался с каждой минутой. Теперь это был уже не просто легкий майский дождик, теперь это была стихия. Буйная и своенравная она не собиралась ни с кем считаться, не собиралась смотреть на чужие дела, а лишь греметь, греметь и изливаться бушующим потоком на дома и дороги. Мчаться сверху вниз, словно уставшая одинокая капля, ждать, лететь и сливаться с дорогой и другими каплями в один грандиозный круговорот. Падать на неоновые буквы, пытаюсь согреться об их жужжащие края, чтобы снова, в жалких попытках ухватиться, упасть и больше никогда не

вернуться.

По улицам брела толпа, утратив в бесконечной суете возможность соображать, они топтали свежие лужи, разбрызгивали в спешке блестящий камень тротуара и шли, и шли вперед.

Протянув руку к соседнему сиденью, мужчина включил радио, в надежде, что хотя бы оно сможет исцелить его помутневший рассудок.

– Доброго всем времени суток, дорогие зрители, слушатели. Мы продолжим наше вещание после небольшого объявления, – диктор немного замялся. – Со вчерашнего дня, моя соведущая в отпуске и какое-то время обозревать последние события со мной будет Гарри Брайт.

– Уеум иеуот!

– Гарри, скажи пожалуйста... Ничего что я на ты? Это правда, что с самого детства ты мечтал быть спортивным комментатором?

– Ууа.

Сверкавший больше обычного электромобиль затормозил у обочины. Окно его медленно открылось, пропустив внутрь немного майской влаги. Через мгновение из окна вылетел маленький черный прибор. Окно предательски медленно стало закрываться.

Мужчина прибыл к тому зданию, в котором должен был проводиться экзамен, с небольшим опозданием. Он прошел в общий зал, смахнул капли с волос и остановился в ожи-

дании, когда назовут его имя. Руки дрожали. Голова гудела. Сложно было назвать причину таких недомоганий, но это определенно было что-то связанное со вчерашним днем или сегодняшним ливнем.

Экзамен начался.

Экзамен закончился.

Аллен, уставший и изнеможенный, побрел в кабинет для Вопросы. Он устроился поудобнее на пластмассовый стул и стал ждать.

Через пару минут в комнату вошла женщина средних лет в пиджаке и галстуке. Она села напротив, разложила бумаги и, наконец, заговорила.

– Вас зовут Аллен, так?

– Да.

– Вы настроены попасть в ВИВФ?

– Да.

– Сколько лет вы готовились к поступлению?

– Тринадцать, мэм.

– Вы осознаете, что прожили последние тринадцать лет впустую?

Створки электромобиля разошлись, и водитель с трудом пролез на своё место. Всё было мокрым. Мужчина развернулся назад и потянулся к задним сиденьям.

– Что, черт возьми, ты делаешь? А?

– Мне нужна иголка.

Он отщипнул одну от сумасшедшего растения.

– Ай! Это вообще-то очень больно. Мог бы хотя бы разрешения спросить.

– Не хнычь зазря.

Он вогнал иголку себе повыше шеи в заднюю часть черепа. Минуту или около того он копался и кряхтел, а затем вытащил оттуда маленький чипообразный прибор. Прибор через мгновение отправился на тротуар.

– Вот и всё...

Электромобиль резко двинулся с места, проскользив вбок полметра на первом же повороте. Софиты укрывали ещё не окрепший от ночного бурления город, не позволяли ему пениться, кричать и выпрыгивать из ослепительных окон на мокрый холодный асфальт. Посреди дороги в сладкой утренней дымке стоял мужчина с электронной табличкой на груди. На табличке огромными белыми пикселями читалось: «Не останавливайся». Аллен прищурился и опознал в нем мужа Мэган, с одним единственным отличием – огромным порезом над ухом. А вы думали, что способны переспорить женщину?

– Куда мы теперь?

Мужчина тяжело вздохнул, скривил фальшивую, преисполненную скорби улыбку и наконец, что-то произнес.

– Вперёд. Мы едем вперёд.

Скорбеть теперь стало много о чем. Все старые догматы пали, пришло темное, неудобное время в пути, в исканиях.

Эпилог (Потерянный дневник)

Через пару дней, покрытую кровавой коркой материнскую плату кто-то нашел и отнес в полицейский участок. Там её проверили по базам данных и назначили обыск в квартире предполагаемого потерпевшего.

9.04.

Первая запись в дневнике. Это так волнительно. Профессор сказал мне, что я должен вести его, пока не закончатся мои курсы у него в этом году. Он сказал, что я должен его вести, но я не совсем знаю, что должен тут писать. Наверное, какие-то свои мысли или что-то вроде того по поводу происходящего. Сегодня я ходил на занятия, которые почему-то тянулись необычайно долго. Мы закончили проходить Древнюю Грецию, и перешли к философии мыслителей возрождения. Лично мне больше нравятся новые темы, поскольку с каждым новым занятием мы приближаемся к Артуру Шопенгауэру, чьи труды мне очень импонируют. Мне страшно. Я не уверен, что мое видение будет принято остальными.

10.04.

У профессора сегодня было плохое настроение. Всю лекцию он был на нервах, а в один момент почти кинул в моего соседа ручкой. Ему сказали, что на следующей неделе в группе будет пополнение. Вроде наберут каких-то недоучек с филфака, а может, и вовсе поставят занятия на поток и у него будет по 20-30 учеников в день. Меня же беспокоит только здоровье профессора. Ему уже скоро будет шестьдесят.

12.04

К нам в группу пришли новенькие, в том числе и девушки. По неизвестной мне причине это произошло на несколько дней раньше срока, и я не знаю, с чем это могло быть связано. Возможно, их специально подбросили к профессору, чтобы он не смог подготовить нас к экзамену. Они мне не нравятся, но профессор считает их очень не глупыми и даже способными.

15.04

Сегодня я придумал, как с биологической точки зрения подтвердить теорию о несостоятельности сложения этики нескольких поколений. Профессор похвалил меня. Вся аудитория молча слушала, когда я говорил, а в конце мне улыбалась новенькая с первого ряда. У нее красивая улыбка.

16.04

Когда я жил в городе, у меня был сосед. Он был веселый и юморной, всегда шутил про нижние этажи, мол, они прогнущись под его капиталистическим гнетом и он навсегда выше них, хотя я не понимал, про какую высоту конкретно идет речь. Хороший был человек. Когда не пил. Я всегда знал, что он больной, но не мог точно определить: он больше хронический алкоголик или параноидный шизофреник. Однажды он напился до беспамьятства, высунулся в окно, а затем начал во всё горло кричать что-то про мировую революцию, про то, как же он ненавидит проклятых «буржуев» и наше государство. В промежутки между яркими возгласами он доставал из-под окна пустые стеклянные бутылки и швырялся ими в

прохожих, стараясь задеть осколками как можно больше людей. Если же он всё-таки попадал, он довольно подносил ладонь к виску, корчил серьезную мину и громко чеканил: «Товарищ комнадир, прошу подтвердить попадание!» или «Получил, свинья капиталистическая?!». Я не видел этого старого психа уже много лет. Кто-то вроде сказал, что его усыпили, как бешеную собаку, но я не уверен, правда ли это.

17.04

Я думаю, что слишком мало рассказываю о себе и, если кто-нибудь, когда-нибудь это прочтет, то не поймет ничего. Хотя кому в голову может прийти идея читать бумажную книгу? К тому же чей-то дневник.

Вот уже тринадцать с лишним лет я готовлюсь к поступлению во Всемирный Институт Высшей Философии. Наверняка вы слышали о нем. С пяти лет я читаю классиков и авангардистов мировой мысли, зарабатывая тем самым себе на жизнь уже очень давно. Я не хотел этого, скорее даже боялся, пытался убежать из дома. Но какой у меня был выбор? Либо это, либо бесконечные стеклянные офисы.

19.04

Сегодня набрался смелости и решил позвать ту девушку с первой парты в кино. Она согласилась. Послезавтра пойдем на фильм, но я не помню даже его названия, надо что-то с этим делать. У меня сегодня на удивление хорошее настроение. Давно такого не чувствовал. Неужели человеку так мало нужно для счастья.

20.04

Я узнал, что раньше не было системы социального рейтинга. Представьте только! Раньше я мог бы пропустить занятие и за это мне ничего толком не сделали бы. Никаких штрафов или запретов на обмен токенами. Удивительно...

21. 04

Сегодня пришел в кино, купил 2 билета. Я ждал полчаса после начала фильма, а она так и не пришла. Два с лишним часа сидел и пялился в экран. Хотелось уйти, убежать, но в то же время не хотелось ничего. Когда пришел домой, я долго лежал на кровати, смотрел в потолок. Я ничего не чувствую.

22.04

Она сказала, что забыла и очень сожалеет. Я ей верю. Через неделю меня ждет экзамен в ВИВФ. Нужно подготовиться к Вопросу. Никто точно не знает, что это за загадочный вопрос, но без него поступить нереально. Нужно отвлечься и перечитать Канта.

24.04

Сегодня нас водили на день открытых дверей в ВИВФ. Это было очень волнительно и интересно. Впервые за последние 10 лет туда разрешили зайти посторонним. Нас провели по огромным залам, показали кучу оборудования и один из нескольких мировых дата-центров, занимающихся просчетом *uni*-блокчейна. У них целые десятки этажей выделены под хранение, обработку, структурирование и передачу информации. Вы только представьте! Огромный супер-

компьютер, просчитывающий блоки, конечной целью которых и будет сама жизнь. Как бы я хотел попасть туда еще.

26.04

Я очень волнуюсь насчет предстоящих экзаменов. Всю жизнь я учился, да и не знаю, что кроме этого могу ещё что либо. Скоро определяющий момент всей моей жизни, к которому я шел столько лет. Я каждый день уделял по 10 часов на учебу. 13 лет подряд. Я читал книги, зубрил, зубрил и еще раз зубрил. Теперь, я как никогда готов пройти тест и ответить на Вопрос. Сегодня мы скидывались на ремонт столовой по 0,084 уни. Она случайно показала мне свои переводы. Там полно киношных билетов. Да и я не думаю, что у нее плохая память. Я устал. Думаю это последняя моя запись в дневнике на этот момент.

Слуга порядка закрыл дневник и сел на кровать. Больше мужчину в больших грязных башмаках никто не вспоминал.

Маркетинговый трюк

Расторможенный Ричи застыл в кровати, как парализованный, не в состоянии вымолвить хотя бы обрывок человеческой речи. Ему только что наглейшим образом отказал чертов робот, которого он купил год назад «для личного пользования» в одном из лучших магазинов города. По крайней мере, так гласила светящаяся вывеска. Продавец сказал, что это крайне удачная покупка. Внезапному удивлению кожного мешочка не было предела до тех пор, пока женщина из биополимеров не повернулась неуклюже на левый бок и

не вырубилась прямо у него на глазах. Это окончательно вывело его из себя.

– Простите, но я сегодня не в настроении. Возможно вечером, когда погода изменится, а вы вернетесь с работы.

– Я видел всякие выходы, но чтобы прямо так! – Он самозабвенно пнул пяткой еще не остывшую после выключения машину.

На секунду всё вокруг замолкло. Ричи вздохнул. Он лежал на мягкой дубовой кровати прямо посреди жаркого, тлеющего испариной пляжа, в обнимку с кареглазой, не менее жаркой шатенкой. Всего в двух шагах шелестело безмятежное море. Нежные крики чаек, ласковый морской ветер, щеко-чуший пятки шум лазурной волны... Бесцеремонно пропали через мгновение после того, как Ричи снял черные пластмассовые очки, в сущности выглядящие, как маленькая черная высокотехнологичная коробка. По потолку разом побежали цветные кружочки. Ричи провел ладонью по неотесанной щетине.

Он протер глаза и приподнял туловище. Безмолвное, темноволосое чудо электроники лежало рядом с его рукой, заняв почти всё свободное пространство кровати. Думаю, не стоит описывать строение столь интересного для изучения устройства, однако стоит упомянуть, что по поведению «оно» было точно не шатенкой, а скорее тощей разукрашенной рыжухой. Надеюсь, никто из читателей в данное мгновение не затаил на рассказчика обиду.

Комната находилась прямо в центре города, не смотря на то, что в последнее время найти жилое помещение не на выезде было очень проблематично. Весь центр заняли коммерческие сооружения так называемого «продвинутого капитализма». Баннеры со всех сторон гласили, что в магазине вниз по дороге лучшие и самые высокотехнологичные приборы, штучки, фигурьки, финтифлюшки и пустяковины. Доказать ничего подобного они не могли, но с функцией рекламы справлялись как надо. Мало кто в полной мере мог оценить их себестоимость. Ричи мог.

Стены неумоимо дрожали утреней рабочей суетой, и казалось, будто в них каждое насекомое мчится сломя голову на любимую работу. В этом было что-то правдивое и даже символичное, за тем исключением, что насекомых там никогда не было.

Мужчина поднялся с кровати, в шатающейся тени комнаты нащупал упаковку сигарет и двинулся к окну, так кстати располагавшемуся в метре от теплого одеяла. Он вынул из упаковки зажигалку, положил ладонь на холодный подоконник и уставился перед собой на жужжащие и шипящие неоновые вывески. Сотни и тысячи разноцветных диодов в окне продавали разное: товары, последние медиа-новинки, низкозатратную роб-силу, услуги крипто-аналитиков и дешевых проституток. Город шумел и навеивал мысли о работе, непосредственно связанной с продвижением низкопробных товаров. Глаза нещадно бегали из стороны в сторону, в поисках

чего-то, за что возможно зацепиться.

– Элли, какие у меня дела сегодня утром?

Мужчина нажал пальцем кнопку в ушной раковине.

– На сегодня у вас запланирована встреча с двумя новыми заказчиками и в час дня вы обещали помочь бывшей жене с переездом.

– Что-то еще?

– У вас 451 непрочитанное сообщение. Мне пометить их как спам?

– Все опять от разных отправителей?

– Проверяю... Да сэр, совпадений не найдено. Хотите, чтобы я их удалила?

– Да, было бы неплохо. И еще... напиши, «М», что я сегодня не смогу помочь ей. У меня много дел...

Он покрутил тлеющую сигаретку в руках. Стены самозабвенно дремали в утренней грохочущей пучине, получая из окна мимолетные вспышки розового, лазурного цветов, навеивая странное улыбчивое настроение. Дымящийся окурок отправился на волю через окно. Мужчина повернул голову во мрак, еще раз глянул на помятую кровать и двинулся в сторону выхода с зажатой пальцами сигаретой. У двери открылся умный стеллаж с выглаженной одеждой.

Он вышел на лестничную площадку. Лестничной она оставалась лишь номинально, поскольку все жители пользовались только лифтом уже очень давно. Сложно сказать, из-за этого ли многие из них обросли жиром, но ходьба по сту-

пенькам наверняка пошла бы им на пользу.

Дверь закрылась. Ричи развернулся к металлическим створкам лифта и увидел перед собой соседа. Сосед, прогнувшись под тяжестью переносимых им коробок, пытался ногой закрыть неповоротливую металлическую дверь перед собой. Он был стар, лыс, не в меру бородат. С его густых рыжих усов на площадку капал пот, исчезая мгновенно в бетонной серости и клочковатой пыли.

– Вам помочь? – Ричи сделал шаг в сторону соседа.

– Нет, нет, что вы. Не утруждайтесь.

Несмотря на трепет бородача, Ричи подошел к двери и закрыл ее, подождав пока доводчик не произведет характерный щелчок.

– Не стоило, право.

– Давайте я помогу вам спустить эти коробки вниз, иначе они задавят вас в лифте.

Мужчина охотно поделился верхними двумя и, казалось, даже немного покраснел. За последние четыре года это был его третий развод. Очевидно, жизнь у него не клеилась и ему нужна была даже незначительная поддержка извне.

Улица пахла дымом. Небо уже несколько месяцев безостановочно кропило моросью на город, но все же не могло погрузить в уныние целый бурлящий мегаполис. Рядом с выходом стоял небольшой квадратный электромобиль, на первый взгляд напоминавший автобус с мороженым из старых мультиков. В действительности же это был просто вагончик

«Social Service», сотрудники которого пытались отремонтировать протез чей-то незадачливой ноги.

Ричи вышел из подъезда, поставил коробки рядом с заблаговременно вынесенным растением в горшочке и подошел узнать, что случилось. Сосед одобрительно ему кивнул.

– На меня напал тот придурок, – покалеченный мужчина указал в сторону тротуара, протянув в ту сторону памятую жестяную кочережку, служившую заменой кисти правой руки.

Неподалеку, метрах в десяти от вагончика произошла гомерического размаха стычка, или что-то вроде мелкого происшествия, не вызывающего у незаурядных прохожих никакого интереса. Первый мужчина сидел у вагона в одиноком чулке, рядом с блестящей медсестрой марки «МС-2», формой походившей на мусорный бачок. Ну, зато производители решили проблему отношений на рабочем месте. Второй же участник заварушки, по-видимому, был не так удачлив и не мог насладиться всеми прелестями современной медицины. Он лежал пластом рядом с проезжей частью, покуривая только что найденный окурочок. У края дороги стоял поцарапанный электромобиль.

– А второму вы не поможете? – Ричи обратился к медсестре.

– СМП не помогает людям с низким социальным рейтингом. Чтобы повысить свой рейтинг обратитесь в службу по защите населения.

Ричи еще раз пристально посмотрел на обоих пострадавших. Как ему показалось, названный затейник драки выглядел совсем хилым и отчаянным. На нем был старенький халат и грязная изнеможенная майка. Курил он окурочек какой-то очень знакомой марки. Ричи едва заметно усмехнулся.

Город убежал в облака. Ни на секунду не замедлялся в своем порыве. Розовые, красные и темно-голубые вывески уже много лет заменяли солнце, освещали блестящие машины и длинные фаллические дома.

Наиболее успешный участник драки напялил на себя протез и, закинув в вагончик свое непомерно уважаемое пузо, уже окончательно забрался внутрь для переезда в городскую больницу. Двери захлопнулись и машинка с молниями «SS» слилась с гарцующим потоком других электромобилей. Странную все-таки они выбрали себе аббревиатуру.

Ричи пересек улицу и подошел ко второму пострадавшему, до сих пор лежавшему на холодной каменной улице. К глубокому сожалению, он знал этого бедолагу. Мужчина часто маячил под окном квартирки Ричи с одной, исключительно корыстной целью: собрать упавшие на асфальт бычки. Даже сейчас у него в руках был один, с до боли знакомой маркировкой на фильтре.

– Ну, как тебе сигаретки? – Ричи согнул обе ноги в коленях, подвинувшись к собеседнику как можно ближе.

– Противные, но на большее я особо и не рассчитывал.

– Держи, – Ричи протянул собеседнику всю упаковку. – Кури себе на здоровье, только расскажи, что произошло.

Мужчина в потертом халате и изрядно поношенных кроссовках поднялся до положения сидя и спрятал пачку в карман.

– Да что рассказывать. Сбил меня этот, выскочил, говорит, что я ему перед поцарапал. Начал кричать махать руками, потом колотить меня...

Он улыбнулся.

– Потом собирался пнуть, да так собирался, что поскользнулся, грохнулся на руку и сломал себе протез. Вот клоун...

С усталым видом, мужчина залез рукой в карман и вынул оттуда пару сигарет, а затем протянул целую упаковку обратно отправителю в руку, ни слова при этом не сказав. Ричи отказался брать подарок назад.

– Да бери, мне не жалко.

– Огоньку лучше добудь и перестань смотреть на меня, как на бездомного. Однако за неравнодушие спасибо...

Так Ричи и сделал. Затем он поднес к губам «небездомного» зажигалку и попросил Элли позвонить в такси. Ах да, вы до сих пор не знаете кто такая Элли. Видите ли, протезы не обязаны служить только людям с дефектами. Вернее обязаны, поскольку пока нет соответствующего законодательства о платности всего и вся, но зачастую протезы помогали и здоровым в их нелегких профессиях. Майнинг-чипы для философов, чтобы те приносили хоть какую-то пользу, GPS-чи-

пы для водителей, чтобы не теряться в пути, и так далее. И как может уважающий себя рекламщик обойтись без протеза для связи, без которого он, все равно, что саламандра в открытом космосе?

Ричи махнул соседу рукой. Тот подбежал, поинтересовался, в чем собственно дело и с особой охотой помог пострадавшему подняться.

Сосед оглянулся вокруг и ещё раз окинул взглядом место бедствия, быстро пришедшее в свое нормальное состояние.

Вдоль улицы проехала блестящая иномарка. Ричи сразу опознал за кем она и ни капли не удивился. Он всунул руки в карманы куртки и двинулся вперед, навстречу электромобилю, который по заботливому сообщению Элли подъехал отвезти его на работу.

Из машины вылез шкафообразный человек с внешностью совсем немолодого, но чрезмерно откормленного политзаключенного. Он насупил брови, грузным и уверенным шагом обошел жужжащий капот и открыл перед своим начальником переднюю дверцу. Дверцу открывать не было никакой необходимости. Просто привычка.

– Спасибо, Джим.

Суровый мужчина скорчился ещё сильнее в жалкой попытке изобразить улыбку. На выходе получилось что-то отдаленно напоминающее боевой оскал. Он оттянул рукав на себя и нажал на блестящую металлическую кнопочку, вшитую прямо в огрубевшую кожу.

– Привет, привет.

Теперь оба сидели в электромобиле.

Всю дорогу до офиса они ехали молча. За тонированным окном уже должно было выглянуть солнце, но увидеть его в любом случае было роскошью невообразимой. Серая пелена не позволяла лучам достигать земли. Вместо этого, улицы круглые сутки освещались мерцающими вывесками, чье избыточное количество зачастую не позволяло отличать день от ночи. Ричи устало пялился в стекло.

Спустя тридцать минут колеса стали успокаиваться, и машина притормозила возле куполообразного здания рекламного агентства. Ричи поправил воротник, признательно кивнул водителю и двинулся к главному входу в здание.

Громадное бетонное сооружение, которому выпала честь быть самым большим и устрашающим зданием на улице, представляло собой не более чем очередной офис с соответствующим набором обитателей. Сверху здание было накрыто чем-то вроде стеклянного купола, напоминавшего издавна наполовину откушенный чупа-чупс с тонкими металлическими окаймовками вдоль всего блестящего от слюны полушария.

Возле ближайшего угла дежурил паренек в кепке с логотипом компании. Раньше такие раздавали газеты на улицах, теперь же стали лишь отвлекающим маневром для всех проверяющих инстанций. Один из таких незамедлительно подбежал.

– Сэр, вас беспокоит Мэрил Гофф из издательства. Вы говорили, что готовы встретиться с ней в любой момент. Она хочет поговорить по поводу того нового биллборда и...

Не успел он, и договорить, как Ричи ловко юркул под стеклянный купол, служивший оплотом всего маркетингового зла на ближайшие несколько городских кварталов. Паренька в кепке охранники не пропустили. От нежелательных разговоров Ричи ускользал так уже не один год и люди из его компании прекрасно понимали, что делать и как себя вести.

– Привет, Чак.

Дежурный на входе молча кивнул в ответ.

Ричи знал всех, кто у него работал. Всех калечных и чрезвычайно незначительных вплоть до уборщиков и нанятых курьеров он помнил в лицо и не гнушался порой записывать сведения о них в электронную книгу. Происходило это не столько из-за уважения к любому человеческому труду, сколько из-за неуправляемой жажды контроля. Жажды непременно руководить каждой мельчайшей деталью механизма и в случае неуспеха иметь возможность починить неисправность в кратчайшие сроки.

Ричи шел по знакомому блестящему паркету, гордо выпрямив спину и широко расставляя крепенькие ноги. Он повернул голову направо, увидел свою жену, ныне бывшую, с маленьким белобрысым ребенком лет эдак пяти отроду. Внезапное появление столь нежелательных лиц удивило Ричи, хотя бы только потому, что в прошлый раз его жена, в на-

стоящем бывшая жена, буквально проклинала его любимый офис и грозилась сжечь его до тла.

Женщина держала мальчика за крошечную ладошку. Стоило бы досконально описать её внешний вид, поскольку это важно, но женщина выглядела настолько заурядно и стереотипно, насколько это вообще возможно. Светлые длинные волосы до груди, немного подкрашенные в пламенно-оранжевый на концах, юбка, блузка, сумочка. Глядя на такую, вы заранее поймете, какие ответы она даст на ваши вопросы.

Вы поинтересуетесь, какую музыку она предпочитает, она ответит, что меломан и слушает разное. Спросите про её любимый фильм, который её впечатлил, и она не назовет вам ничего стоящего, либо отбрыхнется последней киноновинкой, которую углядела на постере. Книжек такие не читают в принципе, за «исключительной бесполезностью» данного времяпрепровождения. Политических предпочтений, как правило, никаких, хотя в исключительных случаях возможны идиотские отклонения в либеральную или феми-нацистскую сторону. В любых проявлениях веры и религии скорее дрожащие агностики. К сожалению, к таким особам всегда и проявляется особая страсть.

Нарисовав у себя в голове карикатуру на предстоящий диалог, Ричи решил истинно по-джентельменски избежать нежелательной беседы. В офисе всё бурлило и он, оставшись абсолютно незамеченным, пробежал к лифту и поднялся на самый верх.

Ричи вышел из распростертых створок лифта прямо в свой грандиозный кабинет, по размеру не уступавший главному холлу местной мэрии. Первым делом он двинулся к незамысловатой деревянной тумбочке. В себе она хранила три на первый взгляд идентичные бутылки с напитком, который Ричи ежегодно получал в дар за активную гражданскую позицию во всё той же мэрии.

Разительным отличием содержимого бутылок был лишь срок годности и то, что в одной из бутылок находилось сильное слабительное вперемешку с алкоголем. Периодически, владелец забывал, которая из них была с сюрпризом, и каждый день начинался со своеобразной ритуальной лотереи. В этот раз ему повезло. Удивительно, почему он не выкинул злополучную бутылку давным-давно. Скорее всего, ежедневный азарт забавлял его сильнее, нежели опасность, а та самая опасность позволяла держать память в постоянном тонусе.

Кто-то из умных говорил, что пить надобно начинать с самого утра и больше ни на что в течение дня не отвлекаться не отвлекаться. Он был прав, за тем исключением, что отвлекаться стоит и много на что. По крайней мере, приходится. Дела, дела, дела. Говорят, что они идут, однако по ним и не скажешь: они то и дело пытаются упасть, остановиться, скатиться по лестнице назад на несколько этажей. Едва ли эти инвалиды были способны идти сами.

Оказалось, что весь тот спам, полученный за последние несколько недель, был от одного человека, возгоревшегося

идеей свести счета с жалким многомиллиардным маркетинговым агентством, главой которого по чистой случайности и являлся некий Ричи Драйзер. Ричи попросил Элли прочитать жалобу из издательства.

Мэрил Гофф писала: «За последние две недели нами было получено более ста жалоб на ваш офис. Разберитесь. На выезде из города под новым биллбордом бетонный состав не соответствует требованиям. Разберитесь. Настоятельно рекомендую не игнорировать данное письмо. М. Г.» Такого рода письма люди с большим именем, в основном отправляют на помойку, однако М. Г. могла поставить на уши половину города вместе со всем непереваренным содержимым кишок. К её мнению сложно было не прислушаться.

– Позови Марка в мой кабинет.

Через пару минут в кабинет вошёл небольшой пухленький мужчина в очках, напоминающий на первый взгляд программиста, а на второй им и являвшийся.

– Сможешь найти?

Мужчина в очках кивнул. Он нырнул в дверной проем, где-то провозился минут сорок и вернулся назад вместе с крошечным чипом и самодовольной улыбкой. Секунду содержимое чипа уже отправилось к Джиму прямиком в черепную коробку.

Ричи собирался расправиться с назойливым недоброжелателем.

Когда Марк ушел, Ричи спокойно стал разбираться с поч-

той. Мэрил Гофф из издательства и по совместительству его бывшая жена надоела ему вдвойне до глубины толстого кишечника, и он решил просто отослать её куда подальше. Он написал секретарше, чтобы та отправила её в офис через два квартала, а затем отчиталась ему о проделанной работе. Он подождал, пока все нежелательные личности покинут здание, сделав затем абсолютно то же самое. Он укутался в свою одежду поплотнее, подошел к зеркалу, ещё раз осмотрел себя и ощупал колючую щетину. Самое то, чтобы решать проблемы. Он щелкнул пальцами и выстрелил воображаемый залп в свое отражение.

– Ну что? За пивом, – глаз и губа синхронно изобразили ехидную физиономию.

Затем он достал из верхнего ящичка пыльный тяжелый кастет, ещё раз осмотрел себя в зеркале и хлебнул содержимого открытой бутылки. Лифт. Щелчок и вот он уже внизу, мчится, как ребенок в самую любимую игру. В такие моменты в нем постоянно пробуждалась странная веселость, он вновь становился молодым и энергичным.

– Куда, – бывалый бугай ткнул знакомую кнопку на руке, хотя даже он уже догадался обо всем по одному выражению лица.

– Сан-Фатто, едем сейчас. У нас там есть дело.

– Будет сделано, – голос пропищал по-рабски смиренно. – Как скажешь.

Дверцы поочередно издали по щелчку. Машина трону-

лась с места.

Спустя несколько продолжительных пробок и незапланированных остановок они покинули город, и попали на разбитое довоенное шоссе, движение на котором было редким, но молниеносным. Они мчались через выжженные пустыни, грязные пыльные каньоны и бесконечные, убегающие густой гладью в закат майнинг-фермы. Скорей бы уже эта книга закончилась, чтобы я, наконец, стал настоящим алкоголиком.

По дороге Ричи почему-то захотелось поведи беседу ни о чем.

– Почему философы так много получают? Да, без их угрюмых суждений не работали бы все наши деньги, но все же. Почему именно их умы, а не торговцев или бизнесменов?

Ричи и не ждал, что на его странные реплики последует ответ. Поэтому он и платил человеку за рулем.

– Они занимаются откровенной бессмыслицей, сродни религиозным проповедям и психологии. Просто обычные дармоеды на мой взгляд. Почему все держится на них, если они за столько лет так и не сказали людям, зачем им продолжать жить? В чем вообще конечный смысл? А, Джим?

– Чего? Ты меня с кем-то путаешь.

– Знал, что ты это скажешь. Мне кажется, что смысл, как деталька отдельного пазла, совершенно не коррелирует с такой деталькой, как жизнь. Жизнь просто из другой коробки, с оборванной этикеткой, без инструкции применения. Очень глупо считать, что хоть кто-то или что-то способно спаять

эти понятия в единую цельную картинку. Какой абсолютный смысл молнии для самого явления? Оно просто есть. Смысл молнии – сверкать. Смысл молнии – греметь, сжигать, пугать и вгонять в дрожь, тем самым становясь молнией.

В окне автомобиля мелькал один и тот же пейзаж. Желтая, серая, печальная пустота равнины.

– Люди перемешали у себя в голове излишнее число знаний, пазлов, забыв в итоге, что никогда теперь не смогут их собрать.

Ричи задумался.

– Смысл хорошо цепляется к другим деталькам. К созданному человеком: словам, предложениям, книгам, деньгам, в конце концов. У слова «молния» есть смысл – обозначение конкретного природного явления. У чайника, наверняка есть смысл, заключенный в том утверждении, что чайник кипятит воду.

Он попросил Джима остановиться у любой ближайшей забегаловки или бара, чтобы промочить засохшую глотку.

Бар назывался «*Jack's white horse*». Название не было особо символичным, но все же имело очевидные, понятные любому посетителю корни. Баром владела семья Джека уже пару столетий, но деревянная вывеска не менялась еще с основания бара, так как каждого старшего сына в семье неминуемо именовали Джек. Когда-то, когда прадед Джека вместе с тремя своими кровными братьями остановились на том месте чтобы дать лошадям отдохнуть, среди редкой колючей

травы они нашли крошечную ямку с чистой водой. По правде говоря, нашли как раз таки не они, а знаменитая белая лошадь. Братья основали на том месте симпатичный бар, и пой сей день, служивший уставшим путникам мирным пристанищем для мирного злоупотребления алкоголем.

Ричи вышел из машины и двинулся в сторону входа в бар. Дорогу ему перегородил блестящий электромобиль, каких не встретишь в этих краях, однако в городе, который наверняка пришлось бы по вкусу любому лентяю, кому невмочь водить автомобиль самостоятельно. На заднем сиденье вальяжно расположился кактус, надежно пристегнутый ремнем безопасности. Мужчина за рулем нервно курил сигарету и смотрел в окно. В баре было тихо. Ричи опрокинул внутрь пару рюмок и поехал дальше, напрямиком к своей цели. На улице становилось ветрено.

Когда он добрался до дома злоумышленника, что строчил гневные письма, на улице уже стемнело и небольшой городок замер в таинственной тишине, оставив лишь неоновым вывескам право владеть остывшими улицами. Мужчины вошли в одноэтажный дом. Домом назвать строение можно было лишь с натяжкой, а в действительности оно представляло собой покосившийся барак или давно заброшенный гараж для автомобилей. Такие строили ещё в довоенное время, когда машины двигались не на электричестве, а на горючем, которое люди называли «бензин». Ричи постучался в грубо сколоченную деревянную дверь. Ответа не последовало. Ве-

тер начинал дуть все сильнее.

– Джим, посмотри ещё раз адрес... Ты уверен, что это тот дом?

Джим уверенно кивнул головой.

– Ладно, еще минута и мы заходим. Ты же ещё помнишь, как это делается? А то годы за рулем наверняка ударили по твоей сноровке.

Джим многозначительно сгустил брови и бросил взгляд на дверь. Казалось, что дверь начала пятиться в сторону, как шакал перед схваткой. Бугай описал головой неровную петлю, издав при этом выразительный хруст.

– Всё, я устал. Заходим.

Джим накинудся всем телом на несчастную дверь, и та, не выдержав даже самого первого толчка, сорвалась с петель и с грохотом упала на пол. Ричи достал из кармана старый кастет и отдал его своему поделнику.

За компьютерным столом в единственной комнате сидел скрюченный инвалид в своем кресле.

– Вы кто?! Что происходит?! – Инвалид с ужасом кричал при виде надвигающегося на него чудовища.

– Кому ты писал письма, уродина? Ты знаешь, что с тобой будет? Ты вообще понимаешь?

– Вы... Из-за вас я не могу ходить! Что? Не трогайте меня...

– Если на тебя что-то упало, виноват в этом только ты и никто больше. Надо смотреть, где ходишь.

Джим схватил его за плечи поволок вон из дома. Инвалид кричал что-то про убийства, про то, что Ричи угробил ему жизнь своими здоровенными баннерами. Ричи было уже абсолютно безразличны все слова в его адрес, ему лишь хотелось закончить дело и поскорее отправиться спать. Одного точного удара в голову было бы вполне достаточно. Ричи остался стоять посреди комнаты. Его мучало странное чувство, которое, казалось бы, покинуло его очень давно.

Он осмотрелся вокруг и удивленно поднял брови. Комната была точной копией его собственной. Ему стало не по себе. Он увидел знакомую тумбочку, знакомое стены, знакомое окно. Он увидел на кровати робота точь в точь, как у него дома. Нахлынула страшная волна ностальгии по былым временам, когда он ещё был женат, когда его жена ещё не знала, чем он с Джимом занимается, а сын видел в нем могучего голиафа, бесконечно умного и мудрого. О, время! Как быстро оно утекает сквозь пальцы.

Вам не кажется это забавным? Технологии развиваются, всё умнеет и совершенствуется. Лишь человеческая неоправданная жестокость, глупость и кровожадность остаются такими же. Люди убивали друг друга ещё до того, как изобрели календарь, и будут убивать, даже когда освоят марс. Меняются лишь способы, которые от столетия к столетию становятся лишь ужаснее.

Они отвезли ещё горячий труп на стройку, где из-под гудящей земли должен был вырасти огромный плакат мальчи-

ка с белоснежной улыбкой, который подмигивал бы любому въезжающему в город. Место было весьма и весьма интересным. Баннер должен был гордо восстать посреди пустыни, ограничивая бесплодные земли и бурлящий котел мегаполиса, подняв свой взор над хаосом и суетой.

Ричи с трудом поджег сигарету. Эта была припасена на особый случай, так как оставшаяся пачка была подарена бездомному, чье состояние безмолвно скулило без табачного дыма. Ричи вспомнился тот бедолага. Интересно, что бы он подумал, увидев труп человека? Стало бы ему грустно, или он испугался бы? А может и трупов он видел гораздо больше, чем можно себе представить.

В ушах зазвучал голос Элли.

– Мистер Ричи, у вас входящий звонок. Мне ответить?

– Давай.

– Ты не поздравил родного сына с днем рождения! Опять ты выгнал меня! Ты... ты невыносим. Я проклинаю тот день, когда мы познакомились!

Ричи стоял, равнодушно курил сигарету, поглядывая на черное ночное небо, полное потраченных в былые времена жизней, носящее под собой сотни и сотни беззаконников. Никакие слова не имели смысла. Они лишь таяли в громогласной тишине, отражаясь эхом в огромных бетономешалках, и все же оставаясь бездыханной тишиной. Мертвый инвалид утопал в незастывшем бетоне, так что лишь его ноги торчали из месива.

Ветер напал неожиданно, столь сильным порывом, что незакрепленный плакат с ребенком дернулся, изогнулся в зловещей улыбке и упал прямо на Ричи и Джима, оставив от них лишь две жалкие лепешки на грязной земле. Паренек с плаката подмигивал глазом. И столь неожиданно обрываются жизни, что казалось должны значить хоть что-то. И столь глупо гибнут люди, что это не может не вызывать у наблюдателя смеха.

Нержавеющий котелок

Волны отчаянно штурмовали оскалившийся берег. Гром гремел. Разряженный природой воздух проникал в ноздри, устраивал пьяный дебош и сюжесекундно растворялся в утреннем полумраке. Отверженная цивилизацией бухта. Крошечный, подкошенный дом на горе. Маленькие детали по крупице создавали одну большую картину прибрежного утра, преисполненного смятением. Непокойного. Дикого и неподвластного. На скалистой горе одиноким пятнышком в окне мелькал неокрепший огонек, поддерживая пока еще не угасшую в буре жизнь.

Часы мерно настукивали давно заученный ими ритм, не оставляя шанса никаким другим звукам нарушать покойную тишину. Кроме взрывающегося временами грома, грома резкого и стремительного. Большую часть деревянного дома застилал дым от буржуйки, так что всё её содержимое казалось размытым и ненастоящим. В углу можно было разглядеть едва горевшую газовую лампу, чей изогнутый каркас скорее

походил на усталого старца с клюкой, что вот-вот упадет без сил. Лампа стояла на маленьком деревянном столике длиной не больше метра, являясь главным и единственным источником света в комнате. Мужчина ходил взад-вперед, периодически покашливая.

Морской влажный ветер судорожно пролазил через щель между ставнями, по привычке вешая угрюмую шляпу на оконную раму, кланялся и проходил в коридор. Неторопливый ход часов. Угрюмая молчаливость старой, давно забытой жизни томно забиралась в майский, настолько по-детски раскрепощенный ум; распускали корни воспоминания. Навеивали необычайно заразную, ленивую дремоту. Холодный деревянный пол украшала лишь бумажная упаковка каких-то третьесортных папиросок; алый цвет обертки их выцвел, бумага обратилась в серо-желтый слой пыли, органично переключаясь с древесным покрытием у ног.

Мужчина открыл дверь и выскользнул на окроплённый каменный порог. Гроза бушевала над синеющей вдалеке бездной. Брызги летели, летели в лицо. Никогда прежде так легко не дышалось. Мужчина стоял на пороге с легким недоумением в глазах. Вот так всегда. Буквально один шаг и уже не вернёшься, покинув родной дом, уже никогда не станешь прежним. Шторм усиливался. В двери прохрустел ключ, но наружу так никто и не вышел.

Пожилой человек отрывисто прокашлялся, обошел всю свою квартиру еще раз по кругу и с чувством полной несо-

стоятельности улегся на кровать.

– Завтра, всё завтра. Вот проснусь, и с новыми силами пойдет всё...

Неудержимое утро, крича, бурля и бесцеремонно пенясь, сменилось мимолетным днем длиною в час. День не заставил себя долго ждать, выстрелил парой коротких дождей на землю и вновь канул, оставив бухту людям в темной полудреме. Такая погода в бухте была уже неделю. Мужчина рывком поднялся с кровати, вытер пот со лба, снял с крючка куртку и с недовольным лицом отправился к выходу. Нормально поспать ему было не суждено.

Он снова вышел за заплеванный морем порог, тяжело втянул в себя утренний туман и двинулся вниз в сторону обшарпанной тонюсенькой тропинки. Уводившей в знойные объятия еще не окрепшего после ночной болезни солнца. Тонюсенького, слабого.

Вдох. Витающая в воздухе соль проникает в организм, оставляя на языке приятный вкус океана. Мужчина отправился к ближайшему магазину, находившемуся не то что бы очень далеко от одинокой, блестящей зубьями, скалы, но и не достаточно близко, чтобы не приходилось каждый раз спускаться вниз, ломая и царапая ноги об разросшиеся вдоль тропинки сорняки.

Ноги ступали быстро, неуклюже. Утренняя прохладная дымка не будила, а наоборот склоняла неизбежно в сон и заставляла зевать. Мужчина что-то недовольно бурчал себе

под нос, широко расставлял ноги и старался всеми силами не угодить в до-боли колючие зеленые кусты. Через несколько минут наконец-то выглянуло солнце.

Мужчина зашел в понурый, мокрый магазинчик с чувством полного и окончательного самоудовлетворения, свойственного только человеку сильному, волевому, способному впервые за неделю выйти из дома.

– Бутылку водки, пожалуйста, – рот покупателя расплылся в доброжелательной улыбке.

– Кто это тут у нас? А где ты всю прошлую неделю пропадал, вежливый ты наш, – продавщица согнала с лица обесиленную гримасу, – То не видно тебя черт знает сколько, то припераешься ни свет, ни заря, ни здрасьте, ни до свидания. И сразу к делу.

– Да мне не для себя, Кать. И вообще, я бы и не вышел, если бы дело не тянуло. А потому, я и идти прямо сейчас должен.

– Рассказал бы хоть что за дело, как жизнь. У тебя-то кроме меня и друзей нет, а делиться с кем-то надо.

– Да ну тебя, Кать. Пошел я. Еще успеем наболтаться.

Женщина за прилавком недовольно сдвинула брови.

Он сунул деньги без сдачи в привычно протянутую руку, взял бутылку и устремился к выходу походкой гордой и уверенной. Она же знает, что он не алкоголик. Все знают, что он не пьет. А чего лезет с расспросами тогда? Женщины. Или правда обиделась?

В прошлый раз, когда они поссорились, мужчина сидел голодом пару дней, по той единственной причине, что это единственный ближайший магазин на пару тысяч световых километров от города. А доехать до города та еще морока. Так вот, Катя эта хорошая, но не в меру обидчивая. Говорит иногда мол, «Всё. Обиделась. Хлеб не продам». А людям что? С голоду помирать?

С другой стороны, что ему эти люди. Живет один, ликующий предатель, сбежавший с дому во время войны, целый, живой, но бесконечно обреченный на одну свою скудную компанию. А что ему другие... Люди приходят, уходят, растворяются в клубящейся утренней дымке, освободив место для уединенного спокойствия. Часть остается, часть убегает сразу, а остальные вынуждены продолжать полнить калейдоскоп из лиц, сменяя друг друга раз за разом в бесконечной чехарде. Один из умных сказал, что все мы в этом мире одиноки. Трудно с ним не согласиться.

Он стоял на пороге, отделявшем цивилизацию от первобытной природы, в майке, стареньком халате с узорами и с бутылкой в руке. Волны дерзали каменистый омут берега, взлетали чайками над бескрайней синевой, дробились где-то там, в тени океана, никогда не сходящего с наркотических рельс из соли и цветущей полыни. Над едва ощутимой линией горизонта снова начинало вспыхивать солнце, пробиваясь к людям через висевший куполом мраморный смог. В пяти метрах от магазина четверо детишек закидывали бомжа

камнями. Свистящие крошки вековой борьбы часов и скал летели шустро, смело. Бездомный кричал детишкам слова, передать которые по причине цензуры, банально, невозможно. Тем самым еще больше раззадоривал их.

Мужчина шел дальше, неуклюже спотыкаясь о разбитые осколки бутылок, ржавые разрозненные осколки береговой черты. Волны бежали к берегу, со стоном разлетаясь в хаотичном потоке, полном первородного спокойствия, утренней мечтательной прохлады. Мужчина с заспанными глазами шел дальше, не обращая внимания на детей, ведомый непреодолимым желанием просто двигаться дальше. Двигаться, без видимой или доступной для понимания причины, лишь затем, чтобы ни на секунду не оставаться на месте.

Вам когда-нибудь казалось, что все прожекторы мира направлены прямо на вас? Вы мчитесь в проливной дождь куда-то на край света, или слоняетесь без дела по собственной квартире, а может, просто плачете где-то в потерянном доме у друга, пытаясь не утонуть в собственной жалости и беспомощности? Со мной такого не случалось. Как это может быть связано? Откровенно говоря, никак, просто, если вам кажется, что за вами следят – сходите к врачу.

Дорога, дорога никогда не кончается. Она стлалась под ним извилистой лентой. Тысячи глаз сверкали огнями в отражении понурых фонарей, ещё не уснувших после ночного дежурства. Железный уличный повеса. Как много хранит он тайн и загадок, известных лишь ему одному и никому боль-

ше. Дорога убегала вниз из бухты, дальше по долине и дальше, дальше вперед, обрываясь скудными тропами лишь там, где не ступала нога путника.

Возле черного железного забора стоял парень в джинсах. Он засунул руки в карманы джинсов, немного наклонился вперед и пялился на худенькую иномарку, что неуклюже захала на бордюр и, по-видимому, не могла спуститься назад.

– Эй, мужик, толкни-ка меня.

Мужчина уже было заспешил прошмыгнуть мимо него, или спрятаться за забором в стороне, но его надежды были разбиты, потому что парень в это время бодрым шагом двигался в его сторону.

– Ты мне? Нет, слышишь, такое не надо со мной. Знаю я эти ваш разводы. Я в тюрьму не вернусь...

– Да выдохни ты уже. Машина встала, можешь подтолкнуть, а то мне спешить надо.

Он, и правда, выдохнул. Глянул на паренька в джинсах. Совсем молодой еще, наверное, даже двадцати лет нет, а уже на машине ездит. В джинсах, футболке. Хотя сейчас все так одеваются, но кому, какое дело.

– А, вот оно что. Ну ладно давай. Лезь в кабину, на газ жми, когда скажу.

Мужик поставил бутылку на бордюруину, застегнул куртку и дал знак парнишке, что готов толкать. Ведро оказалась не из легких. Он навалился всем телом на багажник, вены на лбу вспыхнули, а кровь в жилах потекла под стремительным

напором от неожиданной, давно позабытой физической работы.

Автомобиль завелся и чудом поехал. Почему чудом? Вы просто не видели того разбитого корыта с колесиками и того слюнявого умника в джинсах. Ничего за спиной, ничего в голове, зато машинка. Можно девок катать.

– Даже спасибо не сказал, балбес, – мужчина отряхнулся и продолжил недовольно ворчать, – Ну, одним хорошим делом больше, теперь и помирать не стыдно.

За заржавевшей стеной вдаль вводила витая дорога, разлегшись грунтовым змеем на зеленеющей сопке, она гнулась, петляла и мучила случайных путников, но все же верно и беспрекословно вела к одинокому маяку. Бомж дополз до железных ворот, и принялся размачивать морской водой раны, полученные в последней стычке. По правде говоря, белеющий маяк не был так одинок, как могло показаться на первый взгляд. Чуть ниже от него находился крошечный барак смотрителя и её дочери. Раз в неделю, или, может быть чуть реже, к ним навещался и тот самый мужчина. Он редко приходил с пустыми руками и, как правило, что-то всегда приносил с собой. Как правило, водку.

Он шел вверх по дороге, судорожно кашлял и после каждого вдоха трясся, как веснушчатый парень на первом свидании с военкоматом. Впереди сквозь туман проглядывалась поросшая кустами сопка. Он услышал тихий стон. За поворотом что-то издавало пронзительные и очень против-

ные звуки. Он ускорился. Прямо у основания очередной изумрудной возвышенности валялось дерево, а под ним маленькая девчушка с черными, измазанными в грязи и крови волосами. К тому времени, как он смог разглядеть ее в нависшей над бухтой завесе, девочка уже не могла осознано произносить целые слова и даже скомканное «Помогите» из ее уст звучало, как случайный набор звуков.

«Наверное это все тот клоун на машине... То-то он так быстро свалил» – мелькнуло в его голове словно гром. К слову о громе, который к тому времени уже совсем утих и скрылся незнакомцем так же неожиданно, как и появился. Гроза закончилась. Небо застилала пелена.

Руки мужчины дрожали и были слишком слабы, чтобы поднять тяжеленный ствол, что придавил девочку. Лучшее, что он мог сделать – позвонить в скорую и полицию. Тогда они приедут минут через 15, помогут девочке, оттащат здоровое бревно и... А это ему надо? Приедут машины с мигалками, выползут оттуда поглотители налогов и станут задавать вопросы: «Что произошло? Как фамилия? Кто девочка?» Нужны ли ему проблемы и какие-то подозрения? Кстати, кого это так угораздило? Он внимательно приглянулся к застывшему у земли телу и опознал в ней дочку смотрительницы маяка.

«А я как раз к ней шел. Вот так удача, пусть сама с этим всем разбирается». Мужчина уже собрался бежать вверх к маяку, но болезнь снова дала о себе знать. Он остановился

на месте, как вкопанный, и судорожно кашлял, кашлял, кашлял. Так продолжалось около минуты.

Наконец, он собрал не успевшие разбежаться силы в один ели сжавшийся кулачек и устремился вверх по дороге, ни на секунду не выпуская заветную бутылку из рук. Деревья сменялись точно такими же деревьями, мелькая кадрами из старой позеленевшей киноплёнки. Он дошел до деревянных ворот перед домом, к которому спешил, открыл наспех их плечом и протиснулся дальше, ускоряя шаг всё стремительнее и стремительнее.

Посреди огорода был разведен костер, рядом с которым сидела женщина средних лет в заляпанной футболке. Она сидела на опертом о камни бревне, с одной стороны от которого полыхал незначительный костерок, а с другой стояла стеклянная тара, представленная разными видами опустошенных бутылок.

– У тебя там дочку придавило, иди и разбирайся.

– Чего? Какую дочку? Ты чего мелишь, старый?

– Твою дочку, пьянь.

– Нету у меня дочки, Шурик, скотина, всё отнял. Чтоб его черти в аду грызли, и пятки прожигали. Чтоб ему пусто было, уроду...

– Там твоя дочь валяется под камнями, дура. Совсем спилась уже.

– А?

Мужчина поставил бутылку водки к перекошенным жен-

ским ногам. Видно было, что она вообще мало что соображает.

– Вот это похоже на нормальный разговор.

– Пошла ты. Дай ключи, я на маяк полезу, а ты делай тут что хочешь, мне вообще плевать.

– Зачем тебе ключи, старый? На маяке лестница уже ели живая.

Он подошел к ней вплотную, аккуратно присел на её обсиженное бревно, обхватил за то место, где должна была находиться талия, но весели играючи ключи, затем сорвал брелок и слюняво поцеловал прямо в засохшие губы. Женщина не понимала ничего из происходящего, но была исключительно рада подарку, врученному ей мгновение назад. Она изо всех сил отодвинула от себя мужика и начала панически вытирать размокшие губы.

– Ты что, того? С ума сошел? – она извернулась змеёй и потянулась рукой к бутылке.

– Какая уж разница. Сигареткой угости старого сумасшедшего.

Он спрятал за спиной кулак с ключами. Женщина протянула ему появившуюся из неоткуда сигаретку. Он ловко зажал её зубами и поднес к огню зажигалки. Затем выпрямился и, как ни в чем не бывало, пошёл к маяку.

– Хей, тебе же, вроде нельзя курить?

Её голос потух и потерялся в шипящей, беспокойной, живой океанской волне. От утренней грозы ничего совсем не

осталось. Мужчина шел, пристально глядя под ноги и стараясь не упасть. Шел по разбитой винтовой лестнице. Стоял на белом каменном мостике. Над озорной и яростной, стремительной, незыблемой бушующей бездной. Он уперся ногами в бетон и краску в одной майке и стареньком халате, вальяжно потягивая тлеющую в губах сигарку.

Когда стоишь на краю мира, закрываясь от ветра и влаги, в одном шаге от необратимого падения, то больше всего на свете хочется развеять интригу и узнать, что же ждет тебя там внизу. Мужчина смотрел под ноги, видел берег, видел Катю, которая вынесла побитому мужчине лёд и марлю. С другой стороны он видел пьяную женщину, жадно пытающуюся открыть бутылку с водкой. Она-то ещё не знает, что ближайшие несколько лет ей придется страдать от туберкулёза. А где-то там внизу играли дети,

пиная мяч друг другу. А где-то там пришибленная стволом лежала девочка. Всё шло своим чередом. Всё остальное было неважно.

В такие моменты хочется только одного: сделать уже этот шаг вперед, пройтись по незримому канату, нырнуть в непредсказуемую пучину событий с самого края. Почему? Потому что иначе не сможешь двигаться дальше, потому что застрял на месте как сломанный автомобиль, уперся в благоухающий тупик, как крот без лап, носа и способности перестать быть кротом. Но теперь. Теперь вы готовы увидеть, взглянуть сверху вниз с шатающегося каната прямо на них,

нырнуть в шелестящие овации, крики и вздохи толпы.

В такие моменты время сбивается со счета. Не верите в фатум, ну и ладно. Не верите в судьбу – правильно делаете, но не можете отрицать, что так всё это и должно быть.

– Спасибо, что довели меня до края. Не беспокойтесь, так и было predetermined. Надеюсь, вы не уснули и не поддались печали по моей особе...

Он закрыл глаза и старой птицей отправился в полёт. Все же и так прекрасно понимали, и *margo vitas est donum auctoris*...

Фарфоровые блюда

– А я говорю, розовое! – мужчина резко ударил кулаком по столу.

– Нет, лиловое. В твоём, так называемом «розовом», она будет выглядеть нелепо, словно замотанная в кукольное платье первоклашка. Как ты этого не понимаешь?

– Какое к черту лиловое? У тебя нет никакого вкуса! И я не понимаю только одного: зачем ты вообще со мной споришь – мужчина стукнул кулаком так, что стоявшие рядом чашки утратили связь с поверхностью стола и на мгновение замерли в воздухе.

– Вот... смотри, – собеседник медленным, необычайно уверенным движением руки подвинул к мужчине альбом с фотографиями, – Видишь? Как же прекрасна та девушка с краю. А цвет платья какой? Лиловый...

Комната. Уверен, вы давно соскучились по её обветшалы-

ми стенами и пустому полу. По маленькой, хрупкой, загнанной в четыре стены, свободе и тем теплым ощущениям, что она оставляет у вас внутри. Деревянный стол, беспорядочно заваленный бесчисленным множеством чайных приборов: блестящими ложками, фарфоровыми блюдцами, кружками и даже острыми ножами, что были весьма некстати в такой пылкой дискуссии. За столом двое мужчин преклонного возраста двигали туда-сюда школьный альбом, громко споря друг с другом о чем-то. Первый из них сидел прямо и неподвижно, словно прикованный к стулу. На нем была бело-серая меховая куртка, со слегка испачканным воротником. Он был худ, но весьма хорош собой, с четкими румяными скулами и широкой спиной.

Напротив него сидел ещё один мужчина. Одет он был в простой домашний халат, а над губой блестели от слюны густые усы, которыми тот очень гордился. В углу комнаты на обесцветившемся от времени кресле сидел сухой белокожий мужчина помладше и молчаливо читал газету. Последний в это время роптал на небольшой кухне за фанерной перегородкой. Все четверо были друзьями уже много лет.

С кухни шел аромат тушеной свинины и свежих, только порезанных кабачков. Старенькое черное радио тихо содрогалось в ритме довоенного блюза, нагнетая в комнате атмосферу живости. На кухне широкий в талии, очевидно сведущий в искусстве готовки, господин с немалой долей увлеченности, помешивал густое кастрюльное варево, параллель-

но насвистывая незамысловатую мелодию. Вы когда-нибудь слышали блюз без музыки? У некоторых людей настолько чудесное звучание, что музыкальные инструменты им лишь мешают, не дают в полной мере показать всех красот голоса.

– Я вижу, как она была бы прекрасна, если бы была в розовом!

Мужчина ударил кулаком по столу на этот раз с такой силой, что одно фарфоровое блюдо отскочило и упало на пол, разлетевшись сотней маленьких кусочков по всей квартире. На секунду все замолчали. Секунда прошла, и комната вновь заполнилась всепоглощающим шумом.

– Может, хватит уже спорить? – сказал господин, снимая фартук, – в конце концов, вы ни к чему не придёте. Оба слишком узколобы для этого.

– Но как так? Нельзя просто взять и оставить вопрос открытым! Выпускной ведь бывает лишь один раз в жизни...

– Садитесь уже за стол. Ваши вопли невыносимы, и, мне кажется, соседи тоже так считают и скоро нас об этом оповестят.

Господин поставил на стол блестящие тарелки и сел на свободное место. Трое человек разом оккупировали доверху заставленный посудой стол с трех сторон и принялись расставлять приборы. Ещё один мужчина по-прежнему сидел в кресле неподвижно.

– Ты сможешь, или как? Нам же не одним, в конце концов, это всё нужно, – со злобой выпалил мужчина в халате.

– Вы вроде и без меня прекрасно справляетесь, – лениво выбросил мужчина, ни на секунду отрывая глаз от газеты, – я совсем не хотел вам мешать.

– Да что ты там читаешь... У нас тут нерешенный вопрос, а ты развалился, как вяленая рыбешка в соусе.

– Я читаю некролог. Ты даже не представляешь, как много хороших людей погибло за последнее время. Эта проклятая война всё никак не насытится, не закончится. Столько много работы впереди, столько много хороших людей...

– О боже, да забудь ты про это, треклятый философ. Как будто ты не знал, что война для людей – естественное состояние, что они мрут каждый день, как мухи, затем плодятся и снова умирают. Скажи лучше, тебе какой больше цвет нравится: розовый или лиловый.

– Ну, я... не думаю, что могу ответить сходу. Я совсем в этом не разбираюсь и не знаю, зачем вы вообще меня спросили. Зачем вам вообще это нужно? Разве это так важно?

– У Эби всего через шесть месяцев выпускной. Нам нужно решить, какого цвета будет платье, сколько оно будет стоить, найти подходящего портного, договориться с ним... Ты даже понятия не имеешь как много у нас дел. Выпускной это ведь такой праздник, который бывает всего один раз!

– Подожди-ка... Эби, Эби, Эби, – мужчина быстро зашелестел газетными страницами, – Ах, вот. 12 декабря на 17м году жизни скоропостижно скончалась после падения с большой высоты при невыясненных обстоятельствах Эби-

гейл Моро. Тело было доставлено в здание городского суда для выяснения подробностей дела... Это не она?

– К сожалению. Всего за шесть месяцев до... Но, почему мы узнаем об этом только сейчас? И из какой-то газеты? Разве нам не должны были сообщить заранее?

– Должен был. Вот, сообщаю, – пробурчал голос из-под газеты, – В конце концов, ты мне даже за это не платишь.

Лица сидящих за столом переменились. Теперь они не стали полны равнодушия, или, не дай бог, заботы. Они просто задумались. Они отчаянно пытались понять, как всё могло так быстро перемениться. Теперь им нужно было решить, что делать дальше, как планировать шаги и что в конечном итоге делать с теми цветами и туфлями, что они уже успели заказать.

– Когда мы будем уже кушать? Я устал ждать, пока вы угомонитесь.

– Как ты можешь думать о еде? Ты черствая свинья, которую никогда ничто не заботит, кроме собственного брюха. Не будет сегодня ужина! Сиди голодный и думай о погибшей девочке.

– Ты же сам сказал, что они мрут каждый день как мухи. Почему я должен страдать из-за них, я вот её даже не знаю? Не знал.

– А какие у неё были милые бежевые туфельки. Половина зарплаты родителей за месяц, между прочим. Такие были классные.

– Заткнись ты уже, – вновь прозвучал голос под газетой, – Хватит с меня. Я пошел на работу, иначе тоже сойду здесь с вами с ума.

Он встал, накинул на плечи промокший после вчерашнего дождя плащ, взял стоявшую в углу трость и вышел в коридор. Перед выходом на улицу он выключил радио.

– Ну, хотя бы с платьем теперь проще определиться. Я думаю, пусть будет традиционное черное, без всяких лишних деталей. Не стоит лишний раз нарушать традиции.

– Черное. Как всегда ты за своё. Почему, например, не темно-синее с черными атласными розами? Как по мне, очень аутентично и свежо.

– Ну, какое к черту темно-синее? У нас тут не карнавальная ночь, а траур. Ты же понимаешь, что нельзя экспериментировать, что придут все родственники и друзья, ведь похороны бывают лишь один раз в жизни.

Стоял Агитатор

– Вы непрерывно смотрите, вы все, конечно, смотрите и видите во мне... Отражение себя.

Мужчина обернулся, в кривляньях изогнулся и чувственно пропел, немного погодя.

– А вы хотя бы знаете, на что я вас зову? Когда вы надеялись со мной пойти ко дну, вы были, безусловно, бессмысленно безмолвны и столько лет готовы к такому злому дню!

Толпу плодили крики, ломились все во двор. Людей сквози-

ли тики, толпе наперекор.

На разлинованном листке бумаги неровным, сбитым с ритма почерком появлялись новые и новые буквы, за ними косые слова, кривые, будто сошедшие с линейчатых рельс, предложения. Слова цеплялись за бумагу так просто и беззаботно, как никогда прежде.

– Я вел вас драться за свободу. За каждый свой любимый уголок... За сыновей, родных и близких. Для народа...

Мужчина запнулся, тяжело выдохнул и продолжил начатую речь.

– Беспрекословно помирать? За вашу молодость в цепях, я столько лет стоял, поникнув, своей горячей головой перед седым судьей, и матерью, и сыном, и той, что столько лет когда-то снилась...

Старое здание театра резво наполнилось эхом, вобрав в себя всю горечь и обиду от услышанных слов. Старые кулисы. Когда-то, в незапамятные времена они укрывали актеров и копошащийся персонал от взглядов зрителей. Теперь же здесь стоял Агитатор, наедине с самим собой. Он говорил витиевато, нараспев и, наверное, немного глупо по общепризнанным меркам. В большие дубовые двери зала ломились люди, хотя в толпе они и престаивали ими быть. Страшные и бесконтрольные они жаждали крови, жаждали голов на блюдах и больше ничего.

Остроконечные лучи солнца пробивались сквозь затянутое пылью стекло, размножились на ещё тысячу и усеива-

ли своими трупами давно усопшую, сгнившую от времени сцену. А вам не страшно давать в руки толпы такую власть? Власть вершить судьбы. Власть безумного большинства, сжатая мертвой хваткой вместе с плакатами и свежевыважатыми коктейлями Молотова?

Агитатор стоял, раскинув руки в стороны. В зубах торчал колпачок от ручки. Он стал говорить медленно, неразборчиво, выбрасывая в зал несвязные кричевки.

– Значит так, да? Вам не нравятся мои стихи. А как же наша ненаглядная революция? Опять жить под ворьем и терпеть беззаконие?

Двери не выдержали натиска, истомно хрустнули петли и открыли путь внутрь небольшой горстке людей. Они бежали сквозь опустевшие ряды вперед. Вперед к облюбованной светом сцене.

– Больше никаких митингов, никаких оваций, только старый добрый вооруженный террор и, божеее, храни царя, дай нам справиться с...

Люди обступили со всех сторон, стали суматошно шептаться между собой, пялиться своими окровавленными глазами на Него и постепенно сжимать, сжимать образовавшееся кольцо. Мужчина все еще пытался походить на сына большого Б, но руки-ноги не слушались, дрожали, то и дело норовя припасть к сцене.

– Такую страну разворовали, поганцы. Уууууу... А я говорил тогда. Никто не верил, – голос стал грозным и непо-

НЯТНЫМ.

Агитатор выплюнул колпачок куда-то в зрительский зал.

– Миша, твою мать, ты опять напился.

– Я стадионы собирал... Я, – он начал судорожно тыкать себя большим пальцем в грудь. – Вы не понимаете, ничего не понимаете, не поймете. Я...

Утратив остатки терпения, толпа сомкнулась, и чья-то тяжелая рука резко стукнула Агитатора по затылку. Он изверг из груди звук, походивший на приглушенный вопль гуся или какой-нибудь другой пернатой твари. Затем свалился на пол, пришиб своей зловонною тушей чью-то ногу и так и остался лежать, позабыв про свою речь, Агитатор.

– Я когда вам всем говорил, что надо его в дурку сдать или усыпить, наконец? А вы все отнекиваетесь, мол: «Он же тоже человек, как же так, нельзя вот так вот».

– Черт возьми, да наденьте вы на него хоть что-то. Он же своими бубенцами сейчас нас всех ослепит.

Вторник

Сегодняшний вторник начался традиционно скверно. Было около семи часов утра, я ступал расплывающимися, будто бы сахарными, ногами по размокшей рыжей глине, то и дело, перепрыгивая через снова и снова появляющиеся перед моим взором лужи. Я целеустремленно шел вперед по шпалам, по той единственной причине, что по шпалам идти можно исключительно в двух направлениях: вперед и тоже вперед, но в обратном направлении.

Я шел, уткнувшись глазами в старые проржавевшие рельсы, вспоминал то интервью, в котором Лимонов называл себя Великим русским писателем. Стало грустно за Великих русских писателей.

Дождь лил нещадно, периодически пробираясь сквозь старенькую черную ткань моего зонта. Ноги промокли насквозь, мои черно-зеленые, купленные на рынке кроссовки загребали в себя немалый объем перемешанной с глиной воды. Я шел дальше. Машины летели рядом по дороге, стремясь промчаться мимо, разрезать помутневшую дождевую гладь, окатить мои дрожащие ноги водой.

Я подходил к остановке, осторожно переставляя почти отвалившиеся подошвы. Мимо проехал нужный мне автобус. Дом был довольно далеко, и я решил подождать следующую маршрутку, ну или на крайний случай стянуть палатку с ближайшего ярмарочного ларька и остаться в ней жить до конца моих столь юных лет. Желание было весьма странным, но на тот момент казалось мне самым рациональным.

Подошел следующий автобус, который ехал дальше, чем нужно, но все равно заезжал на мою остановку. Я перепрыгнул через черную лужу и вошел в открывшуюся дверь. Автобус был старенький, дряхленький. Мне в голову пришла мысль, что этот автобус, наверное, даже старше меня. Я попросил мужчину подвинуться, чтобы пролезть к месту возле окна. Мужчине, согласно традиции, естественно было плевать, и он как истинный русский джентльмен, очень лениво и

нехотя подвинул в сторону колени, освободив проход шириной не превышающий головку новорожденного.

Сегодняшний вторник начался давно, возможно пару лет назад.

Я доехал до предпоследней остановки. В автобусе какая-то женщина средних лет в серенькой юбке бесконечно болтала по телефону про все свои проблемы и радости жизни. Мне уже порядком надоели *филистеры*, до смеха увлеченные «реальной жизнью» и «реальными проблемами». То дурочки из супермаркета, для которых тут слишком воняет едой и мало хлопьев. Она ведь без них «Жить не может»!

Кажется, я немного простыл.

Выйдя из автобуса, я открыл свой черненький зонтик и медленно, но проворно поскакал домой по крошечным сухим асфальтовым кочкам. Я зашел в свой подъезд, предварительно повозившись с кодовым замком, который я всё никак не поддавался моим мокрым дрожащим пальцам. Я сложил и зафиксировал клепкой мой черненький зонтик и вновь уверенными шагами ступил вверх по холодной бетонной лестнице. Вспомнил, как ведущая какого-то глупого шоу по телевизору заработала свой первый миллион, который ей безвозмездно вручили. Я посмотрел на свои размокшие китайские кроссовки. Стало немного грустно.

На четвертом этаже моего подъезда лежал пьяный сосед. Нельзя сказать, чтобы он прямо таки лежал, скорее, сидел в позе очень напоминающей лежащего человека. Нельзя так

же и сказать, что такое было для меня ново, поскольку сидячее положение сосед смог обрести только к моему приходу. Я поздоровался.

Я вошел в свою квартиру, закрыл за собой дверь, стряхнул с зонтика капли. За стеной шумела дрель. Скорее всего, в каждом доме должна быть квартира, в которой ремонт не прекращается никогда, а дрель работает исключительно для развлечения или подавления депрессии. Я бесцельно ходил по квартире в поисках какого-нибудь дела или хотя бы жалкого предмета, за который можно уцепиться взглядом. Вполне подошел телевизор. Я слышал, как открылась дверь соседки. Чистокровный русский мат полился в мои девственные уши.

Я лег на помятую кровать и пролежал несколько часов. Мне пришлось проснуться оттого, что кто-то очень пронзительно и требовательно стучался в металлическую дверь. Я надеялся что головой. Вошла соседка, попросила кое-что передвинуть, потому, вероятно, что я молод, силен, и лишен возможности отказать маминой подруге. Кажется, я когда-то слышал, что её сын попал в тюрьму.

Ее квартира не изобиловала мебелью. Напротив, скучные отсыревшие стены, редкие советские тумбочки и какие-то рваные выцветшие тряпки украшали на удивление чистый пол. Я двигался аккуратно, перешагнул через шланг от стиральной машинки и направился в самую ухоженную и красивую комнату. Я взял старую советскую тумбу вместе с со-

седкой. Мы медленно потащили её из квартиры. Тумба была большой и очень громоздкой, так что пришлось поставить ее прямо посреди лестничной площадки. Я немного протрезвел. Стало грустно.

Я решил, что мне особо больше нечем заняться и пошел в свою кровать. Я пролежал минут пятнадцать или двадцать, прежде чем провалиться в сон.

Во сне я сидел на блестящей деревянной скамье в какой-то старой краевой больнице. Передо мной сидела преклонного возраста женщина с крашеными пламенными волосами, она была одета в белый халат, который слегка подчеркивал полноту и без того немного тучной фигуры. Сначала она рассказывала, как в девяностые к ним в то самое здание, в котором мы сидели, пришли люди в чистеньких пиджаках. Рассказала, что уже пару десятилетий они судятся с каким-то депутатом, который приватизировал одно из зданий комплекса и затем уехал за границу. Рассказывала, что новый депутат, избранный недавно в губернаторы, приходил к ним не так давно и обещал построить ещё один корпус, большой и современный. Я почему-то подумал, что оба из них когда-либо состояли в одной единственной единой партии. Рассказывала, что врачи, еще вчера бывшие студентами, получают свои жалкие двадцать или двадцать пять тысяч, в то время как глава больницы выписывает себе заоблачные премии. Очевидно за плодотворную работу и за неопишущей тяжести труд. В целом я не удивился и почему-то пове-

рил в её старческий маразм.

Затем мы пошли на краткую экскурсию по больнице. Мы вышли на улицу, пошли в соседний корпус. Мне запомнились короткие бетонные тропинки, деревянные покрашенные скамейки, яркие зеленые деревья. Мы шли по странному старому подвалу, вверху у потолка его торчали трубы, стены будто бы сдавливали идущих, создавая гнетущую атмосферу из черно-белого ужастика начала прошлого века. В конце коридора была железная ржавая дверь с ужасающей надписью «Профессор медицинских наук». Люди вокруг изображали удивление на лицах.

Мы поднялись наверх по лестнице. Пока я шел, заметил закрытую деревянную дверь в метре над полом, предназначение которой для меня и всех остальных осталось самой таинственной из загадок. Мы шли дальше, по неплохо отремонтированной советской постройке. Нас провели по отделениям, показали в каких местах по утрам самые большие очереди. Мы вышли на улицу.

Женщина с красными волосами сказала, что у них в краевой больнице нет морга. Что-то из толпы спросил её, о причине данного упущения. Она ответила, что морг продали за ненужностью. Я продолжал сохранять оптимизм. Люди вокруг меня почему-то посмурили, вместе с серым, пропитанным гарью небом, от которого мне ещё сильнее захотелось проснуться.

Мы зашли в какой-то другой, странный корпус. Там нам

показали монитор, на котором был изображен мозг какого-то мужчины в несколько слоев. Врач сказал, что не нашел кровоизлияний в черепе. Мне не было жалко больного.

Я открыл глаза. Надо мной сырел бетонный потолок, перетекая в моих заспанных глазах в серые стены, черно-белые обои с корабликами на них, в красный пушистый, повешенный на стене по странному обычаю, ковер. Хорошо, что это всё был лишь сон.

Я ходил по пустой комнате то вперед, то назад. Иногда во время таких прогулок я останавливался и долго думал, что же все-таки я тут забыл. Мне сильно хотелось разбиться, ну или хотя бы покурить. Стало немного грустно. Возможно, стоило спасти себя, но так сложно починить то, что никогда не работало. Этот вторник продолжался уже слишком долго.

В вагоне поезда

«Тому и сигара может послужить хорошим суррогатом мысли»

Артур Шопенгауэр (Афоризмы житейской мудрости)

Солнце упало под растрескавшийся лед. Пепел уставшими хлопьями сыпался на почерневший бетон, рисовал потускневшей пастелью странные картины, напоминавшие по настроению некоторые из работ Ф. Гойя. Наверное, все мы в какой-то мере были пеплом. Уставшие, глухие, полупьяные, кто безответно просит помощи и живет легко. Легко сгорает, и все потухшие мы, в конечном счете, упадем жалким сигаретным бычком в промерзшую землю, в родную грунтовую

койку, полную давно позабытых надежд, а может и ещё не виденных воспоминаний. Точно я этого не знал.

Кто-то из нас сторит быстро и ярко, кто-то не успеет даже расплыться в пожелтевшей от кофе улыбке, кому-то же суждено умереть после двадцати лет ежедневного недосыпа, удивительно, но кто так стремился жить, забыл о том, что смерть таки преследует его по пятам и только во сне не столь ему страшна.

Я стоял на пироне, гнул пальцами последнюю мою сигарету, проходя из стороны в сторону в ожидании моего запоздавшего поезда. Я подумал, что немного надоели стереотипы о «плохих» курящих парнях. Разве они плохие? Скорее просто слабые, немощные, человеческие. Однако я находился здесь по причине не столь связанной с моим скорым отъездом, сколь с непреодолимым желанием рассказать вам ту единственную историю, что ещё была способна заставить меня хоть сколько-то измениться в лице.

Это началось не так давно до моего незапланированного отъезда при таких удивительных обстоятельствах, что невозможно с полной уверенностью утверждать, был ли это сон или нет. Порой вообще достаточно проблематично определить, когда реальность действительно существенно, а когда расплывчатые образы в наших пустых головах создаются на основе случайных воспоминаний, образов, снов. И что вообще из наших разнообразных представлений есть настоящая реальность?

Тогда я сидел в больнице на ночном дежурстве. Вокруг было темно, как в пещере, освещенной одной единственной настольной лампой. Её света едва ли хватало, чтобы вполне разглядеть собственные пальцы.

Вот, как вы думаете, почему люди курят по полвека, пропивают последние деньги? Почему они ругаются матом, ничего не хотят, падают с крыш и бросаются под поезда? Просто они плохие. Заклеймённые, уставшие, одинокие, слабые. Они падают, падают, падают, рвут на себе последние рубашки, оставаясь обнаженными у всех на виду. Вы не хотели думать об этих людях. Не хотели взглянуть оскалившейся реальности прямо в манящую глотку? Не хотели бы заглянуть в мои красные, полные отчаянной пустоты глаза?

Шорох. Гудки. Невозмутимый голос, монотонно объявляющий фамилии, номера вагонов и площадок. Стук колес и лай собак. Ночь наполнилась разнообразными звуками, мелькавшими на грубом асфальте ногами и светом от стальных блестящих фонарей. Уставшие пассажиры стремились войти в только что пришедший вагон, расталкивая друг друга, как будто кондуктор оставит их стоять на пироне с просроченными билетами в руках.

Вокзал Сен-Лазар находился достаточно далеко от городской жизни. Вокруг него была почти пустая равнина, кирпичное здание и небольшая сломанная телефонная будка, к которой выстроилась огромная очередь из людей. Они ещё не знают, что позвонить им никуда не удастся.

На станцию под номером десять прибыл новый состав. Мелькающие в полутьме ноги устремились к нему. Сколько я уже стоял здесь? Может год, может час, я уже не понимал. Мне оставалось лишь придаваться своему глубочайшему отчаянию, что пронизывало меня копьём с головы до ног, устремляло мой остывший взгляд на безликих прохожих.

Внутри было душно и темно. Коридор поезда устремлялся вдаль. Казалось, что он будет продолжаться и продолжаться до бесконечности, пока не упрется в невидимую стену, на месте которой должен был бы сидеть машинист. Из одной маленькой комнаты послышался странный разговор.

Я сидел на втором этаже кровати и медленно, размеренно заполнял пустые страницы новым рассказом. Подо мной ехали странные люди, они вели странные разговоры. Был мужчина в черном смятом в гармошку пиджаке. Таким же смятым, как и он сам. Была девушка лет восемнадцати в очень красивом платье, с рваными порезами по всему лицу, изуродованная страшными отеками и запекшейся кровью. Был кубообразный бугай лет тридцати с пробитой головой, в заляпанной слюной клетчатой жилетке. Он держал в руке смятую табличку. Рядом валялся мужчина, на мужчину он был похож лишь примерно, так что все оставшееся от него было скомкано и капитально прожарено. В углу расположился мокрый и замерзший старик в халате. Я сидел на верхней полке абсолютно пьяный и писал самый печальный свой рассказ.

Посреди кабины поезда проросла старая ива. Кисти её поникли. Она росла здесь, посреди беспокойных трупов уже много лет. На её стволе были приварены кричащие металлические лица с закрытыми глазами, древняя кора давно потрескалась и огрубела, приняв твердую, почти железную форму.

Абсолютно точно стоит умирать пьяным. Помрете пьяным и сможете навсегда остаться счастливыми. Зачем я это пишу? Все равно никто не увидит. Никто не узнает. Наверное, это всё совершенно бесполезно и стоит пойти напиться.

Девушка в малиновом платье стояла на пироне и махала мне рукой. Я уже не помнил, как её зовут. Как я её звал...

Ржавые колеса, со скрипом провернулись раз, затем второй и третий. Наш поезд тронулся, уже не было пути назад. Уже остались позади сомнения, мечтательность. Надежды разбились, столкнувшись с реальностью. Все перестало существовать. В вагоне ехали все, кого я когда-либо убивал.

Квадратные штаны

– Они уже не станут теми же, что были когда-то. В суровые времена они теряют всю свою драгоценную волю, погружаясь еще глубже в высохшую пучину безысходности. Теперь тут есть только мы. Только то что, от нас осталось.

– Кажется, я понимаю. Посмотри на них. Им нечем дышать, каждая клетка их гниющего разума пытается со-

противляться мучения, они не хотят умирать. В их предсмертной агонии есть что-то прекрасное.

– В смерти всегда было что-то величественное. Они продолжают бороться, лезть друг на друга, словно безмозглые личинки бросаются на остатки вяленого мяса. Остатки тех, кого мы когда-то называли своими друзьями.

Губка, втянул в себя порцию холодного, ядовитого дыма. Он разошелся по его рту мрачной улыбкой, сухой и чересчур неправдоподобной.

– Так бывает. В смерти есть что-то прекрасное, лишённое лжи, настоящее. Она вечно следует за каждым из нас по пятам, ждет, когда наши следы запутаются, чтобы оборвать их историю раз и навсегда.

– Как мы могли бы помочь им? Они не такие как мы. Лежат, стонут, но их попытки тщетны. Исход предрешен.

– Мы не имеем права прерывать их страданий. Как бы то ни было, это не этично.

Их не спасти от одиночества и пустоты, которые медленно разрывают наше ненаглядное существование. Возможно они наоборот, получили заслуженную пилюлю от боли, счастливый билет, который отправит их прямым ходом в спокойное и непоколебимое ничто. Глядя на смерти других, вы могли бы только с трепетом созерцать. Ждать. Вы могли бы глушить эту боль. Пытаться утопить её в алкоголе, мастурбации, ежедневных ток-шоу и трате денег в магазине, но вам никогда о ней не забыть, никогда от нее не из-

бавиться. Вы могли бы приспособиться, укутать себя иллюзиями простейших удовольствий, представлений, сказок. Но вам никогда от нее не укрыться. Мы слишком слабы, слишком несовершенны, чтобы хотя бы познать хотя бы феномен смерти, освободить наш разум от той тяжкой ноши, что ржавыми оковами притягивает к мукам. Всё стремиться быть, тем самым, неуклонно стремится к смерти.

– Бикини Ботом никогда не был нам домом. Пусть же эти руины покоятся здесь с миром, в то время как новые земли найдут себе новых хозяев.

Город высох. Его солнце закатилось навеки, чтобы подняться вновь над высохшей пустыней, где нет никого. Где каждый попытался залезть другому на голову, выложив по пути тротуар из размозжѐнных рыбьих черепов.

Величайшее заблуждение

1. Кроха в люльке

– Могли ли эти руки разойтись в объятьях или спрятаться тихо во мраке, сжавшись в железный кулак. Мне никогда не будет дано отыскать их, ибо лишь те готовы сойтись со мною, которые тянут безвольно ко мне свои пальцы, но сами, лишь сами.

И не имеет цели и задачи пройти этот затерянный путь, что остался лежать где-то там, в приморской долине, на фоне старых обид и новых. И любая попытка найти решение в прошлом, что давно забыто и давно не тронуто, рождает из себя ещё больше чувства вины. Навеки оставить попыт-

ки, принять одиночество, ведь каждое волевое усилие есть предтеча грандиозных, чаще губительных разочарований.

– Остановка посреди рельсов подобна смерти. Никто не имеет права давать себя на растерзание судьбы, так как не является владельцем собственного желания, а лишь её густобровым блюстителем.

Разговоры не прекращались ни на мгновение, сколь скудны бы они не были. Всё вокруг заполнял шум, шум уже давно заменивший привычные слова, вновь и вновь находящий отголоски в неокрепших умах.

– Лекарством от чувства вины в том, что не в силах были изменить, станет нам полная апатия, кричащая о своём безразличии в расписанных церквах и грязных подвалах, потому что лишь крик будет свидетелем нашего безразличия. Мы грянем на мир бушующим противоречием, полыхающим, словно крошечная спичка, незаметная даже этой самой темной ночью.

И ночь началась! Люди грянули на проповедь, грянули разъяренной толпой, вооруженные вилами, швабрами и блестящими сковородками. Они выбрались из стен старого театра и двинулись вперёд, неся за собой свои плакаты, крики, предрассудки.

И ночь началась! Самая тёмная и страшная, ночь полная мук и предрассудков, когда толпа вышла на улицы и понесла с собой свою правду. Начался марш моралистов. Настолько ужасных, необразованных, глупых и уродливых, что сами их

лица сводят с ума.

И ночь началась! Литература потухла, остыла как пепел с костра, оставив место лишь глупым предрассудкам, идеям из старых советских учебников, полных плесени и гноя. В них лишь глупец способен найти для себя утешение, и лишь безумец способен найти в них ответы.

– И так нельзя!

И новые слова гибнут, соприкасаясь с воздухом. На бумаге же, они обретают бесконечный покой, но покоем их становятся желтые пыльные гробы, которые спасли их от гибели, но оставили в небытии, потому что только то, что когда-то было забыто, способно снова дать ответы.

– И так нельзя!

Толпа кричала, глядя на разинутый рот, и вновь кричала, не понимая, почему они тут собрались. Проповедник не мог успокоить собравшихся, и все, кто когда-то был зол и обижен, поддержали бы их и кулаками и бессвязными воплями. Но и с ними крепло великое разочарование.

2. Чувство вины

Крики, ссоры, скорбь, утраты. Все ни капли не нужное, до сумасшествия скучное и нелепое. Гадкое до боли в желудке. И жизнь видится нами лишь, как несчастный лист бумаги, зажатый с двух сторон грандиозными томами небытия. И видим мы это не столько в наши дни скорби, сколько в памяти о счастливейших и радостных мгновеньях.

– Но ведь я в этом не виноват!

Ты самое большое разочарования в жизни. Однако кто полагал на нас надежды, а главное зачем? Почему обязанность нести все тягости падает нам на плечи столь стремительно и бездумно? Так говорят слабые, которых покинули силы. Так говорят сильные, которым хватило глупости открыть глаза, ведь все разочарования лишь от глупости полагания, но все новые открытия лишь от остроты ума.

– Но ведь я в этом не виноват!

Каждая дверная ручка должна опуститься вниз на полметра, каждый стул перестать падать, каждая капля перестать затекать в рот, чтобы спасти тех несчастных, кого тяготило чувство вины. Лишь в прошлом, всего лишь немного тяготило, лишь сравнительно сильнее, чем станет потом.

И проповедник перешел на крик.

– Но ты не пришел, ты не пришел, мой Иоганнес!

Никто не слушал, потому что был глух. Никто не мог понять, потому что был безмолвен. И все потуги кинуть в воздух свое бесценное мнение не могли увенчаться успехом, потому что даже сам воздух не был готов их принять. Спор рождал лишь непонимание и каждый остался со своим мнением.

И тогда я впервые почувствовал вину. Вину за того несчастного проповедника, вину за каждую ненаписанную повесть, вину за собственные неизбежные страдания, на которые обрекаем себя мы, слушающие проповедь.

– И в этом есть моя вина!

И тогда мы, слушающие проповедь разомкнули свои рты. Трепещущий голос проповедника слился с нашим в едином хоре, и мы смогли перестать кричать понапрасну. Бушующую площадь озарило пение, ведь только пение могло дать страждущим ответы, только в пении напивались изнеможённые, только пение давало слабому сил.

Я один виновен в своем отчаянии, но обвинять самого себя не в силах, потому что и это есть суть *decadence*. Однако и в это верить я не способен. Если же и переставать верить во что-то, то и не прекращать в неверии разочаровываться.

3. Об одиноких

И так рождаются уродства и тащат за собой величайшее искусство. Отчаяние, вина и одиночество что бредут по дороге вместе, но каждый отдельно, потому что не способны поладить друг с другом. Катализатором станет же вам разбитое сердце, но не смейте доверять ему полностью, потому что с истиной несет оно в себе и великий обман.

И не поможет ничто вам в поиске ответов, а Шопенгауэр станет единственным тому подтверждением, ведь чем больше дверей закрывается, тем больше за ними остается нетронутыми.

И отчего проповедник ведет свою проповедь? Ему должно вести её, чтобы быть таковым, каким он, в конечном счете, является для нас. Что же ждет его, как ждет сына мать, как ждет посторонний в преддверие казни? На его прохладном для босых ног камне его ждет только одиночество. Только

Одиночество.

Что же может заставить меня строить предложения, раз за разом меняя порядок слов, словно кирпичи которые были не на своем месте заставят все строение разрушиться. Все же только одиночество. Только одиночество. Потому что каждый раз, когда я говорю, нет никого, кто бы мог это услышать. Остается место, нетронутая белая бумага для записей.

Тогда и вещи меркнут. Проповедник даже для себя окажется один на один в борьбе с бредом. И его единственным этическим принципом так и останется *de omnibus dubitatum*. Потому что хоть в сомнении есть и частичка истины, даже само сомнение заслуживает себя.

Главы об этике

Данное сочинение не является собой в качестве образчика рассказа, что мог бы войти в данную книгу, и потому автор намеренно обособляет его столь абсурдным предисловием, насколько и его постыдное содержание, не достойное упоминания, где либо, кроме ночных кошмаров, что грезятся в самые мрачные наши ночи. Настоятельная рекомендация игнорировать данный отрывок, как и всё последующее творчество. На этом этапе литература закончилась. Спасибо. Можете расходиться.

1.

Хотелось бы оставить здесь в назидание самому себе несколько обрывков воспоминаний об этическо-моральных воззрениях моего прошлого, чтобы они сохранились на бу-

маге и смогли все же остаться для других в настоящем.

Главная ценность жизни есть для меня сама жизнь. Она обеспечена в первую очередь своей быстротечностью, абсурдностью и непостоянством. Один лишь тот факт, что после многовековых случайностей, полных глупостей и нелепостей, я все-таки живу и это все-таки я, видится мне великим чудом. И жизнь уже видится не столь радостно, сколь парадоксально, зажатая, словно лист бумаги, между двумя томами небытия озаглавленными так: «Меня ещё не было» и «Меня уже нет».

Жизнь вообще обеспечивает любую ценность. Без неё ничего подобного не было бы. Может это обеспечивает мою ненависть к абортам и прочего рода убийствам? А может собственная трусость и страх перед неизведанным? Или же смерть сестры? Кто знает, кто знает...

Но и существование без преуменьшения печально и несчастно. Возможно, только в беспросветном мраке мы бы были готовы обрести покой?

2.

Печаль. Она будет непременно длиться вечно, пока не погибнет последний человек, уступив свое место непереносимой скорби. Скорби, гнетущей даже о тех страшных переживаниях, что ещё не так давно терзали умы и сердца, что вонзались в грудь, словно иглы, бросали к вам под ноги такое непомерное количество вопросов, такое жалкое и презренное уныние, не покидающее вас и до сих пор.

Это была пора первой любви. Если честно, я думаю, что если бы не она, не было бы написано ни одной строчки, ни одного стиха или заметки в букваре. Однако любовь никогда не станет причиной настоящей литературы. Женщина родит из себя отчаяние, чтобы создать самые громкие, самые яркие слова, которые гимном пронесутся по головам, или потухнут, так и не успев по-настоящему сгореть.

На улице шел дождь. Сама природа оплакивала неминуемую потерю, что вот-вот должна была случиться. Она была в ярком малиновом платье, слишком красивая, что даже пытаться описывать не имеет смысла, и у нее не было зонта. Я вышел из школы, вежливо предложил укрыться под моим черным изнуренным зонтиком, на что она в свою очередь согласилась. Не помню, чтобы мы о чем-то особо общались, но с того момента много чего произошло. Я помню, как всегда искал её глазами, как трепетал от каждого слова, я словно оказался внутри самого первого, необузданного романа Г. Гессе. Я просто не знал что делать. Не могу с точностью сказать, что я чувствовал, когда узнал, что у нее кто-то есть. Прошел очень сложный для меня разговор и мир сменил палитру. Все стало таким серым и невзрачным. Я ходил сутками из стороны в сторону, слушая музыку и впадая всё глубже в пучину нигилизма. Так продолжалось около двух лет, возможно меньше.

Стоит отметить, что именно то отчаяние, которое заполняло меня до краев, и стало настоящей жизненной силой.

Сначала отрицающей, затем утверждающей. Я испытал кризис, во время которого мне пришлось заново переоценивать все ценности, с которыми я жил ранее. В итоге прийти к неутешительному выводу: все старое придется разрушать до основания. Лишь так я сумел получить возможность освободиться от призраков прошлого, сбежать от них в самые темные уголки и забегаловки, где они точно не смогут меня достать. Однако они не ушли. Они сидят в шкафах и под кроватями и ждут назначенного часа, чтобы напасть, когда я усну, обратившись самыми постыдными моими кошмарами. Кошмарами любви, женщин и сожалений.

3.

Однако, что реальность? Пустые слова, завернутые в пустые упаковки предложений. Если вы считали себя реалистом, спешу вас разочаровать, потому что вас не существует. Вы в любом случае оцениваете мир в более позитивном или негативном ключе и никогда не способны дотянуться в своем представлении до самой сути, схватить её обеими руками и утащить с собой на дно. Мне вас жаль. Однако, глупо также утверждать, что всё вокруг субъективно или «относительно». В основном так считают люди недалекие, решившие, что узнали достаточно, чтобы опустить головы и сдаться, сказав: «Для тебя так, для другого иначе». Глупейшее заключение, которое, на самом деле, уходит корнями в парадокс лжеца Рассела. Если относительность применять к суждениям, что как минимум странно, то получается, что суж-

дение «всё относительно» также будет заведомо относительным и следственно не носит характера истины. Оно способно ей быть, однако это совершенно не определено и в итоге то, что изречено, исключает из множества само себя.

Относительность, как категория, прежде всего физики, а не метафизики, абсолютно не применима к суждениям, так как обозначает лишь нахождение предметов в пространстве и некоторые другие вещи, в которых автор не имеет должной компетенции. И все же данное понятие осмысливается людьми чаще, как субъективность любых суждений. Однако и это весьма сомнительная тавтология, заключающаяся в том, что суждение в любом случае принадлежит субъекту, который данное суждение воспроизводит. Вероятно, можно сделать именно субъективность, одним из признаков суждений относительно, если угодно, владельца произнесенного.

4.

Мораль – суть здоровое общество, полное разума в пустых бочонках. Только и здоровье не есть положительное, если бы, то было здоровье опухоли или грибка.

Со здоровьем человека, со здоровьем коровы или щенка дела обстояли бы значительно проще, ведь их анатомия не менялась уже несколько тысячелетий, и лечение последних на самом деле всегда представляется нам как повторяющаяся раз из раза практика. С обществом дела обстоят куда иначе.

Мораль – крепко склеенная картонная коробка для тупых

ножей. Разрезать такую не представляет особого труда, но по той причине, что каждый нож находится уже в ней, и если же извлечь его хотя бы теоретически, он все равно не поможет со вскрытием коробки, так как у вас не будет для него точильных инструментов.

Так зачем же она нужна? Это, как правило, добротная сказка, настолько же правдивая, как и девичьи сплетни, однако она дает нам в своей лжи значительную практическую пользу, немного защищая нас от хаоса и ужаса в человеческих умах.

5.

Знаете, и никакая этика, в сущности, не состоятельно. Не имеет смысла доказывать что-то, когда можно отослать читателя другим книгам. «Понятие страха» С. Кьеркегора, «К генеалогии морали» Ф. Ницше и «%%%» Чорана, читать которых я рекомендую лишь на свой страх и риск.

6.

Вы уже разочаровались? Все написанное ранее служило лишь этой цели, хотя я и оставил себе немного пространства для лукавства.

7.

Если мы все же считаем человека разумным и сознательным, то почему книгу мы не можем наградить теми же лаврами? Наверное, вы хотели бы стать особенными, полными воли и идей, но в мечтах, только в несбыточных мечтах. Книга же, напротив, зачастую гораздо умнее и интереснее чело-

века. Каждая строчка в ней есть не только результат случайности, но и долгой кропотливой работы, сотен и тысяч лет формирования языка. Так не книга ли только достойна того, чтобы быть сознательной?

Последнее слово

И если даже небытие достойней жизни, этот вопрос было бы разумней задать, если я уже мертв?

Возможно, мое нынешнее существование и уже есть адская котловина, в которой я должен порядочно свариться за ошибки в жизни до. Ну, что же, неважно попаду я в лучший, худший или такой же мир, этот кипящий бульон меня вполне устраивает.

По крайней мере, другого я и не знаю.

И что тогда есть сознание? *Sensu largo*, все наше представление о мире, если мы все же считаем, его познаваемым. *Sensu stricto*, лишь жалкая попытка психолога шарлатана рационализировать душу без должного на то обоснования.

Давайте будем судить о сути вещей, глядя на них сквозь кривые зеркала, заляпанные жиром и маслом от попкорна. Ведь это так по-человечески.

Однажды меня спросили: "Зачем ты пьешь?" На что я ответил: "А зачем не пить, всё равно ты проведешь время зря, но так тебе оно не будет в тягость". И лишь трезвым я был способен понять значение моих слов. И когда я их понял, они явились мне совершенно правдивыми, потому что я непременно расстроился.

Цели нами полагаются, чтобы к ним можно было стремиться, но только не достигать. Только в процессе они обретают смысл, как мороженное которое было сладким пока мы его ели, но если к нему не притронутся, оно растает. В конце концов, нас снова ждет разочарование. Не сомневается только тот, кто чрезмерно глуп или гениален. Первые никак не способны определить причину сомнений, вторые ее цель. Мне же навсегда уготована участь посредственности.

Мы можем не сомневаться только в нашем представлении и потому стремимся доказать всем, что оно и есть реальность.

Memento quia pulvis es. Безмолвный прах, им и оставайся...

Стать врачом – значит отказаться от самоубийства, но так и не понять, как существовать среди смертельно больных.

Отчаяние передается по наследству от отца к сыну и от сына в книгу. Книга – плоть и кровь его.

Вы наверняка могли заметить, что человек без принципов никогда не пропадет. Как бы ни было тяжело.

О, вам придется полюбить одиночество, иначе вы будете обречены вести вечную войну, в которой никогда не сможете победить.

Существование потому бессмысленно, почему и горная река остается неподвижной. Оно вечно в становлении и суждение о ней мгновенно становится суждением о чем-то в прошлом, несомненно, не существующем. Как мы бы пыта-

лись поймать ладонями воду в реке, опустив в нее всю руку и считая, что вода в ней одна и та же, отнюдь не утекает сквозь наши пальцы.

Я сильно сомневаюсь в целесообразности данного сочинения. Ну что вы мне скажите? «Ну, нормально» или же «Ну, прикольно». Тем самым обесцените долгий труд, целью которого и должны были являться Вы, по ту сторону от повествования.